

Былинное фэнтези
Между Навью и Явью

Семья Зла

Наталья ИЛЬИНА

Марина КРАМСКАЯ

Анна МЕЗЕНЦЕВА

Былинное фэнтези

Анна Мезенцева

Между Навью и Явью. Семя зла

«Автор»

2023

Мезенцева А.

Между Навью и Явью. Семя зла / А. Мезенцева — «Автор»,
2023 — (Былинное фэнтези)

Замкнулся священный круг, и Корабль Мертвых вернулся поверженным в царство смерти. Но сотни нелюдей успели сбежать, унося с собой семена зла. Навьи ростки пробиваются из-под земли, распространяя гниль, смущая души и грозя разрушить преграду между мирами. На груди избранных холодеют амулеты с печатью Рюрика, предсказывая беду. Стрибожий жрец Ваягор, оборотень Волшан и травница Зорка Остромысловна поклялись до последнего сражаться со злом. Трое защитников Руси вновь отправляются в путь. Каждому из них суждено пройти своей дорогой и заплатить свою цену за встречу с семенем зла. И цена эта может стать непомерной даже для избранных...

© Мезенцева А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Наталья Ильина	5
Пролог	5
Неожиданный спутник	7
Росток зла	13
На краю	18
Великая Степь	26
Неудачная охота	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анна Мезенцева, Наталья Ильина, Марина Крамская Между Навью и Явью. Семя зла

Наталья Ильина Волшан. Волчье время

«Воин должен сам выбирать место для битвы. Если не хочет умирать на чужом.»

А. Мазин «Место для битвы»

Пролог

Закат догорал алым, распутив огненный хвост на полнеба. Под разлапистыми елями, которые взяли в полон старое капище, вставал туман – серый и липкий. Деревянные божьи лики, потемневшие от времени, мрачно смотрели со своих столбов. Пуст был каменный круг кострища в центре поляны, пуст и жертвенный камень. Чёрный мох дополз по его щербатым бокам почти до наверхия. Лишь над крышей ветхой землянки за капищем вился к небу жидкий дымок, показывая, что жизнь не совсем покинула это место.

Согнутый годами белобородый жрец сипло шептал над каменной курильней, часто подбрасывая в неё щепотки истёртых трав дрожащей рукой. Другой рукой он тяжело опирался на разбитый вертикальным расколом, почерневший посох. Голос жреца то слабел, опускаясь до шёпота, то взвивался в полумраке землянки по-стариковски визгливо и громко. Невнятный речитатив вплетался в дымный бурун, что свечой поднимался над курильней, и разгонял тяжёлую тишину, повисшую над капищем и лесом.

На краю каменной курильни стояла фигурка. Не то пёс, не то волк, искусной рукой вырезанный из дерева, так, что угадывалась и богатая шкура, и острые клыки оскаленной пасти, смотрел крохотными самоцветными глазками в тлеющий огонь. На его холке тускло светился семарглов знак, неровно вспыхивая и затухая под мольбу жреца.

За долгую жизнь не ощущал дед Славко такого отчаяния, да и слов к такому чувству не подбирал. Никогда раньше не отворачивался его бог от людей, не слабел, не опускал меч свой. Но нынче беды сыпались, как зерно из худого мешка, а боги были слишком заняты, чтобы взор свой на людей опустить. Вот и люди в горестях пошли каждый за себя болеть, забыли дорогу в капище, забросили просить богов о помощи. Да только ли Семаргл оставался глух к мольбам? Сам Перун, похоже, о людях забыл...

Жрец на миг оторвал взгляд от огня, перевёл на резную фигурку. «Если не время сеять, да жать, если время мечом рубить, возьми Семаргл, волка вместо пса, пусть будет тебе служить, да людям, в Яви. Есть у него своя сила, пусть и твоя будет! Поручусь за него своей жизнью, если такая малость тебе потребна», – молил своего бога жрец. Истово молил, так, что слёзы глаза туманили, и показалось старику, будто изумрудные волчьи глаза ожили на миг, сверкнули разумом гневным и страшным, таким, какой ни волку, ни человеку не даден. Польшнуло пламя в курильнице, хоть и нечему в ней было гореть так яростно, ожгло старику конец бороды. Запахло палёным, закурчавился оплавленный волос. Дрогнула фигурка на краю чаши, будто в огонь прыгнуть решила, сверкнул семарглов знак на ней. Бахнул гром с ясного неба над капищем, белая молния прошла сумерки и ударила в крышу землянки. Сухой мох

на крыше занялся и душно задымил. Заволокло дымом поляну и идолов на ней, затрещали брёвна настила, а жрец, сомкнув веки, чтобы дым глаза не выел раньше времени, продолжал молить Семаргла, пока ревущее пламя совсем не заглушило его слова. Он не мог увидеть, что на капище, возле жертвенного камня из ниоткуда возникла фигура сурового мужа при латах, мече и со щитом, такого огромного, что и в ворота Киева не прошёл бы, не склонив головы. У бедра его стоял пёс, ростом с доброго коня, а в глазах плясали отсветы оранжевого пламени.

Неожиданный спутник

Лес подступал к дороге с обеих сторон и напознал на обочины высокой травой. Полуденное солнце яростно старалось прожечь Волшану макушку, волосы прилипли ко лбу, влажному от пота. Было приятно неспешно шагать, слушая только птичий посвист, редкий в этот час, да стрёкот насекомых. Оборотень разулся и погрузил натруженные ступни в мягкую пыль пустынной дороги. Так и пошёл дальше босым, держа сапоги в руке, но наслаждение продлилось недолго. Его прервали дрожь земли под ногами и далёкий топот. Звук быстро приблизился.

Из распадка, в который ныряла дорога, прямо на Волшана вылетел вороной конь. Даже в запале, он почуял волка и захрапел, закинув голову. Боком, по-заячьи, скакнул к обочине и вломился прямо в густой подлесок, едва не вывалив пригнувшегося к шее всадника. А земля задрожала снова, и оборотень невольно зашипел сквозь зубы – клеймо на загривке ожгло огнём. Вслед за первым, на край распадка выскочил второй конь. Волшан едва поверил своим глазам – крупный и тяжёлый, он был конём лишь до груди. Выше, вместо лошадиной шеи, начинался обнажённый мужской торс, заросший рыжеватой шерстью по плечам богатырского размаха. Венчала его уродливая голова на короткой мощной шее. Волшан изумился: «Полкан?». Слышать басни про такое чудо-юдо – это одно, а вот столкнуться вживую – совсем другое. Полуконь на всём скаку застопорился перед оборотнем, подняв клубы рыжей пыли. Злобно оскалился, зыркнул чёрными глазами из-под гривы свалявшихся косм, и, прижав к боку здоровенный лук, прыгнул в чащу леса вслед за вороным. По его широкой спине стучал колчан, полный стрел.

Сапоги и торба с пожитками шлёпнулись в придорожную траву. Сладкая боль оборота бросила Волшана на колени, но оказалась необычно короткой. Пронзила молнией, и мир изменился. Лавина запахов и звуков обрушилась на громадного волка, как удар. Он мгновенно ощутил мощь своего зверя. Еще не отступила ломота в костях, а он уже бежал, едва касаясь лапами травы и сухого мха, быстро нагоняя Полкана и его жертву, но всё же опоздал.

По поляне, изрытой копытами, кружили двое – Полкан и вороной конь. Его всадник, скорчившись, лежал на земле у корней большого дуба. Из спины торчала стрела, которая вполне могла бы сойти за копьё, не венчай её густое оперение. Конь заметил Волшана первым и шарахнулся в подлесок, с треском ломая ветки. Полкан оторвал от земли обе передние ноги и, резко развернувшись на задних, устремился на волка. Волшан прыгнул ему навстречу. Мимо морды просвистел брошенный Полканом лук, огромный, как весло галеры. Увернуться было не трудно. Оборачиваясь зверем, Волшан будто ускорялся, обгоняя время, которое для остальных текло неспешной рекой. Но и Полкан не дремал. Его ручищи поймали и сжали Волшановы бока. Сила столкновения была так велика, что полуконь осел на задних ногах, отклонившись назад. Он рвал жилы стараясь оттолкнуть волчью пасть от своего перекошенного яростью лица, ревел и крутился на месте, вспахивая землю копытами. Волшан крутил хвостом и размахивал лапами в воздухе, стараясь обрести равновесие. Выкусил и отбросил прочь грудную мышцу полуконя целиком – огромный шмат мяса. Полкан взревел, отшвырнул оборотня прочь, и тот, извернувшись в воздухе, приземлился на четыре лапы. Возле уха тут же пролетело копыто, размером с бочонок для хмельного мёда. Волшан поднырнул под него и немедленно вцепился зубами в другую ногу Полкана, рванув изо всех сил назад и вбок, ему под брюхо. Полуконь тяжело рухнул оземь, нелепо взмахнув руками, а Волшан, перескочив через бьющуюся на земле тушу, вцепился нелюди в плечо, одним рывком вывернув его за спину. С треском полопались жилы, кровь ударила фонтаном, и полуконь заревел дурниной, не прекращая попыток подняться на три уцелевших ноги, но Волшан уже смыкал челюсти на его горле. Пасть забила вонючая пакля длинной бороды. Хрупнули на зубах позвонки. Полкан страшно захрипел, опасно забился, едва не придавив Волшана тушей. Из-под хвоста полуконя вывали-

лась омерзительная куча, и он наконец затих, брёвнами растопырив мохнатые ноги. Волшан разжал пасть, выталкивая языком горькую, словно полынь, кровь нелюдя. Невидимая простым смертным Кромка, грань между Явью и Навью, слабо колыхнулась, принимая чёрную душу Полкана. Волшан проводил взглядом исчезающую в зыбком мареве тень и повернулся к неподвижной жертве полуконя.

Чёрный, словно уголь, жеребец, который давно должен был умчаться прочь, никуда не делся. Выгнул шею, заросшую нечёсаной гривой, захрапел и щёлкнул зубами. Весь в мыле, он выкатывал глаза и рыл землю копытом. В стороны летел дёрн и глухо стучал по мертвецу, лежавшему у самых ног коня. Пахло кровью. Волшан, сильно хромя – задней лапе и рёбрам всё же досталось в схватке – подался вперёд, но жеребец всем своим видом давал понять, что собирается сражаться за того, кто был его всадником. А вокруг стояла глубокая тишина, даже птицы замолчали.

Неожиданно «мертвец» шевельнулся и застонал. Конь вмиг притих, сунулся к нему носом, по шкуре, мокрой от нервного пота, прошла дрожь. Волшан осторожно приблизился.

Щуплый паренёк в рваной рубахе и какой-то невысказанно грязной безрукавке, густо заляпанной кровью, открыл глаза. Худое лицо посерело. «Не жилец», – решил Волшан, заглянув в это лицо, и перевёл взгляд на коня. Тот застыл в напряжённой позе, нависая над раненым на расставленных ногах и шумно дыша. Бока так и ходили – раздувались и опадали, как меха в кузнечном горне.

– Не убивай... коня, – еле слышно выдохнул умирающий, цепляясь молящим взглядом за волчью морду. Приподнял руку и коснулся лошадиного носа кончиками пальцев. – Ильк... Прощай...

Рука парня упала, на губах запузырилась алая кровь, ударив по волчьим ноздрям острым запахом смерти. Несчастный со слабым стоном выдохнул, глаза закатились, и он обмяк.

Жеребец закричал, будто это его насквозь прошла стрела Полкана, и затрясся мелкой дрожью. От глаз по шерсти потекли мокрые дорожки – конь плакал. Как человек плакал. Волшан-волк мягко боднул коня головой в мокрое и резко пахнущее потом плечо, от чего жеребца качнуло, и повалился на землю у самых его ног. Начинаящийся зуд заживления, оборот в такого крупного зверя и схватка на голодный желудок лишили его сил.

Что испытал несчастный конь, увидев превращение зверя в человека, Волшан не знал. Обернувшись, он сидел, шипя сквозь зубы от боли и невыносимой чесотки. Видимо, Полкан его серьёзно поломал, но в горячке боя этого не чувствовалось. Конь понуро свесил голову в паре шагов от Волшана, только косил влажным глазом в его сторону, и убежать явно не собирався. Оборотень вздохнул и тут же пожалел об этом – рёбра ответили новой волной зуда.

Вспомнилось предостережение деда-перевозчика. На заре, когда мелкая разливистая речушка ещё пряталась в сыром утреннем тумане, тот умело правил своей долблёнкой, переправляя Волшана на другой берег. «По старой дороге не ходь, – посоветовал, – недоброе там». Да только старая – через развалины древнего городища – была и самой короткой на его пути в Воинь. Он ходил ей не раз, и ничего «недоброе» не встречал. Разве разбойный люд попадётся, бродники, так где их нет? Но дедок настаивал: «люди пропадают, и следа нет, и косточек не сыщешь». Вот и нашлась разгадка. Раскоряченный труп полуконя лежал в центре поляны и смердел дерьмом и кровью. Был ли полуконь одним из проявлений «семени зла», или попросту редким порождением нечисти, оборотень не гадал. Одним чудовищем стало меньше – разве не за этим он согласился на службу?

Едва зуд стал немного утихать, Волшан поднялся на ноги и подошёл к коню.

– Ильк тебя зовут, значит? Странное имя. Ненашенское, – обронил он, оглядывая жеребца.

Уздечка и седло на нём были в степи сработаны, печенежские, но в этом здесь, так близко от границы Дикого поля, не было ничего странного. Станным был сам конь – некрупный, крепкий – явно хорошо обученный боевой конь степняка. Каким ветром его сюда занесло и кем был погибший паренёк? Теперь уже не узнаешь, но Волшану в Степи он мог бы очень пригодиться.

Он протянул руку и неловко коснулся широкого конского лба. Жеребец не отпрянул, напротив – сник, упёрся лбом в ладонь, да и замер.

– Ну ты чего, Ильк? Это ж... Жизнь такая.

Конь плотнее вдавил голову в ладонь, упёрся с силой, и стоял смирно, только шкурой подёргивал. К седлу была приторочена кожаная сума, и Волшан осторожно, чтобы не спугнуть коня, развязал ремешки. Она оказалась почти пустой, не считая истёртого наруча, тоже печенежского и для тощей руки мертвого пацана великоватого, двух византийских монет да парочки железных птичек, какими степняки свои пояса украшают. Такие амулеты он видел в разных становищах не раз.

– Ладно, не бойсь. Есть у меня мысль одна, – пообещал Ильку Волшан.

Судя по всему, коня пацан украл. Увести боевого коня у степняка – затея храбрая, но глупая. Такой служить не станет, а бить-ломать-переучивать хорошую лошадь – только портить. Но Волшану конь вроде доверился, отчего бы не завести спутника? Вот только наездник из него выходил совсем никакой, прежде лошади его к себе не подпускали. Однако этот терпеливо ждал, пока Волшан забросает тело парнишки ветками, позволил взять повод и покорно поплёлся следом, выбрав всю его длину, чтобы не слишком приближаться к Волшану. Разве что ноздри раздувал да всхрапывал изредка.

Только выбравшись на проезжую дорогу, по-прежнему пустынную, Волшан остановился. Послушно встал и Ильк, будто подменили. Во внезапную покладистость коня верилось слабо.

Одевшись, Волшан повернулся к жеребцу:

– Ильк, я вижу, ты мою природу чуешь, но я тебе не враг. Бывают руки и похуже моих, так уж ты не упирайся. Нельзя всю дорогу в поводу идти, так что придётся мне на тебя сесть. Не срони?

Конь поставил уши топориком, смотрел карим глазом внимательно. Слушал. Да понимал ли? Волшан, подбирая чужие слова, постарался передать то же на языке печенегов. Звучало криво, да и смысл вышел двояким. Ильк, как стоял смирно, так стоять и остался, не дёрнулся, когда оборотень взялся за высокое стремя. Не отскочил, когда он, неловко подпрыгнув, завалил себя в седло. Вдохнул только. Показалось – насмешливо. Волшану до чесотки захотелось обернуться зверем и задать ему трёпку, но какое там! Конь сделал шаг и сразу перешёл на мелкую, тряскую рысь, от которой у оборотня немедленно запрыгал вверх-вниз пустой желудок.

– Тррр, злыдень! – воскликнул он, потянув поводья, отчего едва не свалился на землю.

Не помогло. Все равно, что воз гружёный с места тянуть. Ильк, кажется, издевался. Слушал, как пытит на его спине Волшан, завернув назад одно ухо.

– Скотина неблагодарная! Ты ж меня прикончишь! – лязгая зубами и рискуя прикусить язык, выдавил оборотень.

Конь замедлился и пошёл широким шагом, плавно покачивая всадника на спине. Волшан выдохнул и задумался. Хочешь-не хочешь, а если верхом в Дикое Поле ехать, так нужно тому научиться, иначе или коня можно потерять, или шею сломать. Оборотень попытался расслабиться, но качающийся мир этому не способствовал, и тогда он закрыл глаза, позволяя телу поймать равновесие. Получилось не сразу.

К закату пришлось свернуть с прежней дороги. Она забирала к западу, ему Волшан направлялся на юго-восток, к старому знакомцу, где надеялся найти временное пристанище и отдых. Чтобы добраться туда нужна была пара дней. Вечерело, небо затянуло полосами плоских облаков, и они краснели по нижнему краю. Ильк вяло перебирал ногами по заросшей

дорожке, больше похожей на широкую тропу, временами отхватывая зубами стебли высокой травы. Волшан знал, что скоро и она оборвётся у давних развалин старого городища. Он сердито посмотрел на вытянутую вперёд шею жеребца, будто вина в том, что у оборотня ломило поясницу и ныли от напряжения ноги, лежала на коне, а не на жёстком печенежском седле. Волшан и раньше не понимал страсть людей к передвижениям верхом, а теперь она и вовсе казалась ему сущим наказанием. Ильк шёл медленно, понуро свесив голову, словно всё ещё горевал о погибшем парнишке. В такое не верилось. Не человек же. Просто лошадь, скотина, хоть и умная.

Судя по тому, как сильно заросла старая дорога, к заброшенному городищу давным-давно никто не навещался. Волшан вздохнул с облегчением – сейчас ему нужно было уединённое и тихое место вдалеке от чужих глаз. Прежде чем снова отправиться в путь, стоило обернуться зверем и подкрепить силы.

Ильк запнулся, и задумавшийся Волшан едва не перелетел через его шею, в последний момент успев вцепиться в косматую гриву. Он и не заметил, что дорога закончилась и они оказались среди заросших кустарником и деревьями остатков строений.

– Стой, Ильк! – скомандовал Волшан, кое-как выпрямившись, и сполз на землю.

Нетвёрдой походкой он направился к развалинам. Понурого коняку пришлось тащить за собой едва ли не силой.

– Да пойдём, не упирайся, – раздражённо пробурчал Волшан, – там родник был. Если не пересох, напьёмся.

Конь расширил ноздри, коротко всхрапнул и пошёл бодрее.

Немного отдохнув и избавившись от неприятного ощущения, что конская спина так и осталась у него между ног, Волшан поднялся с покрытого мхом бревна. До сумерек ещё оставалось немного времени, и он, привязав Илька, чтобы не ушёл, углубился в лес. Внутренний зверь проснулся, и оборотень чувствовал его нетерпение. Ощущая, как зверь обретает собственную душу, а Волшан остаётся всего лишь ходячим сосудом для его ярости и силы, Волшан вздрогнул. Вечный страх заполз в оборотня неприятным холодком по спине. Нетерпение зверя едва не подгибало колени, но оборотень, играя желваками, раздевался нарочито медленно и так же медленно упаковал одежду в суму.

Ни шагов не услышал он, ни дыхания, только спиной ощутил чьё-то присутствие. Резко повернулся и увидел мужа великого роста, при латах и с огромным мечом. У его ног бесшумно дышал белый пёс, лопатой вывалив язык. Волшану показалось, что он спит, ведь не могло же такое случиться наяву?

– Так это ты – волк, что вместе с Черномором под Киевом бился? – прогремело из великанских уст.

Волшан едва удержался на ногах – земля вздрогнула, и воздух ударил в грудь. Вопрос был задан, нужно бы и ответить, такой вопрошающий мог и в землю одним ударом вогнать.

– Человек я, – процедил Волшан упрямо, чувствуя, как пылает клеймо на голом загривке, и скребется в душе зверь, просясь наружу.

– А будешь ли *моим* волком, человеке? Или зря Славко жизнь за тебя отдал?

Волшан внутренне дёрнулся. Кому мог отдать жизнь его приёмный отец?

Вместо ответа на невысказанный вопрос, он вдруг увидел родной лес возле дома. Только вокруг висела тревожная тишина. Ни зверь, ни птица не прятались среди деревьев, никакая мелкая живность не возилась в земле под корнями, только злой и резкий запах гари плыл между стволов. Там, где было древнее капище, темнел золой и углями неровный круг выжженной

земли. Ни единого бревна не уцелело от землянки, ни один идол не возвышался над жертвенным камнем, да и сам он оплыл и почернел, будто в кузнечном горне побывал.

Волшан подошёл к яме на месте землянки и замер, как вкопанный. Ноги ушли в пепел и будто завязли в нём. На краю ямы, целёхонький, стоял волчок – его детская игрушка – и глазками лазурными посверкивала. Словно сон во сне, увидел Волшан деда Славко с волчком. И себя рядом, десятилетнего, глупого и едва поправившегося, затаив дыхание наблюдающего, как жрец разбивает некрупный кусочек лазури и осторожно подбирает подходящие осколки для глаз деревянного волка. Как же получилось, что он смог забыть об этом на годы? Волчок был первой в его жизни собственной вещью. Первым даром. Первым знаком того, что он, Волшан, кому-то не безразличен.

Видение оборвалось так же резко, как и пришло. Над головой шумел другой лес, и огромный воин всё так же стоял перед ним. Неужели явился тот самый Огнебог, в которого Волшан никогда по-настоящему не верил?

– Семаргл?

Ответа Волшан не получил. Только огромный пёс задрал башку и ткнулся носом в своего хозяина.

– Знаешь ли, что не закончена битва? На земле и в небесах, в Прави, Яви и Нави. Между добром и злом, между жизнью и погибелью, – прогремел Семаргл, наклоняясь к Волшану. – Семена зла рассеяны по всем землям, плывут по водам и скоро дадут свои ростки. Их слишком много, волк! Есть силы, с которыми бьёмся мы, – гремел богов глас, – есть те, с которыми биться героям, а есть силы, которые только простые люди и могут побить. Те, что всегда в них самих свою войну ведут.

Воздушной волной оборотня бросило назад. Пришлось ногами в землю упереться, голову по-бычьему наклонить, чтобы устоять.

– Догадываюсь, – бросил он в близкое, и от того ещё более страшное лицо бога. – Но я свою битву окончил, о чём бы не просил тебя дед Славко! Зря ты пришёл, не по мне это, – покачал головой Волшан.

Бог вздохнул, совсем по-человечески. Вот только Волшана качнуло от его выдоха.

– Нужен ты мне. Не за так пойдешь. Война эта нечестная, волк. И ты – воин нечестный. Не человек, не зверь. Дам тебе ход и в Явь, и в Навь. И везде найдёшь с кем сражаться, и кого защитить. Станешь зверем вдвое больше, чем раньше, и в десять крат сильнее. А кроме – получишь то, чего больше всего желаешь!

– И что же это? – осмелев, с сомнением спросил Волшан. Не лежала у него душа к чудесам огнебоговым. Сердцем чуял, что цена могла слишком высокой оказаться.

– Останется зверь твой снаружи, как кольчуга для воя, как меч в руках, внутри же всегда только ты будешь, и никакой власти звериной над тобой. Никогда.

– Да с чего такая щедрость? – опешил Волшан.

Прямо в сердце попал Семаргл своими посулами.

– Смотри же, от каких бед стражем тебе стоять! – рявкнул Семаргл, сердчая.

Страшный сон, а проснуться никак. Стоит Волшан, дух – как вышибли, а перед глазами горят города, дымятся пепелища посадов. Рушатся ворота киевские, купола соборные оземь летят. На высоком крыльце с резными перилами распласталась девчонка, на юную Ждану похожая. Нижняя рубаха на горло задрана, живот вспорот, светлая коса мертвой змеёй стекает по ступеням в пыль. Гонят степняки мужиков и баб на верёвках в лютый полон, пируют посреди разорённых городов. Тьмы и тьмы их лавиной катятся, будто вся Степь поднялась разом, да затопила родные Волшану земли от ромеев до варяг.

– Да как я один такое остановлю? – сипло вскрикнул Волшан, начиная верить.

– Почему один? Я, вон, коня тебе дал, – едва заметно усмехнулся в усы Семаргл.

– На что он мне? Я коней не люблю, да и они меня не жалуют.

– Теперь будут. А коня этого ты ещё оценишь. Так будешь стражем на земле русской под рукой моей?

Какой бы огонь не спалил Волшанов дом, сейчас он горел в глазах вечернего гостя. Семаргл опустил руку на рукоять меча, и тот вспыхнул кровавой зарницей по ножнам.

– А кому решать, кто достоин защиты, Семаргл? – выдохнул Волшан, чувствуя, что торг окончен.

– Твоему сердцу, волк, и только ему, – довольный вопросом, смягчился суровый бог.

– Я согласен.

С огромного меча сорвалась молния, синяя и слепящая. Сверкнула так, что зарницы над лесом вспыхнули, и вошла прямо Волшану в грудь, чуть повыше амулета княжьего.

Очнулся он в полной темноте. Голод, поистине волчий, никуда не девался, а вот нетерпение пропало. «А вот и посмотрим!» – подумал Волшан, давая волю зверю. Поверить в то, что никакой воли у зверя больше нет, было нелегко.

Обратившись, он поднял голову и уловил тёплую, живую волну запаха добычи. Из пасти закапала слюна. Теперь Волшан-зверь видел больше и слышал дальше, чем прежде. Ставшее действительно огромным, тело зверя настойчиво требовало пищи, но Волшан нарочно промедлил, только слюну сглотнул.

Олень был осторожен и быстр. Он рано учуял приближение волка и рванулся с места, сшибая роскошными рогами листья с нижних ветвей. Играть с ним по звериной повадке, оборотень не стал, загнал к лесному оврагу и одним прыжком сбил с ног, перекусив вену. Густая кровь заполнила пасть, потекла в глотку, и он отстранился, лишь краешком сознания наблюдая, как насыщается зверь. Не обманул Огнебог. Дал и мощь, и силу, но даже и в шкуре зверя Волшан остался самим собой.

Росток зла

Он вышел из шатра, прищурил раскосые глаза, и низкое солнце щедро плеснуло в них расплавленной медью. Степь окрасилась в тёмно-зелёный и растянулась до края земли. Она начиналась прямо за его жилищем – он не любил шумного соседства и всегда велел ставить свой шатёр на самом краю стана. Впрочем, родичи его побаивались и уважительно понижали голос, проходя мимо. Кам¹ из рода Ор ат² был умелым и опытным, за что в роду его уважали, а дар свой получил в ранней юности, когда его поразило небесным огнём у всех на глазах. Караман не только выжил тогда, но и приобрёл ветвистый узор по всему телу – от правой брови до пятки правой ноги – опечаток молнии, что ниспослал Тенгир ему лично.

Повернувшись спиной к шатру, он обошёл загон, в котором жались друг к другу овцы, и широким шагом направился прямо в степь, в сторону заходящего солнца. Ничего, кроме тимпана, с собой не взял. Этой ночью он собирался камлать для себя, слишком много вопросов породила грядущая поездка в кагал. Вопросов, на которые только Хозяин всего сущего и мог ему ответить.

Пока шёл, быстро стемнело и высыпали звёзды. Подмигивали, вещая, что в эту ночь дорога до Тенгри станет короче. Кам непроизвольно ускорил шаг, вслед за зачастившим сердцем. Место для общения с небом выбирал не он, только чувствовал, что оно совсем близко. Вдруг внутри оборвалось что-то, сердце опустело, и кам остановился. Ничего особенного вокруг не было – тёмная степь да трава в пояс, но сердце подсказывало – здесь. Он натянул поглубже шапку, звякнувшую амулетами на цветных шнурках, и взялся за бубен. Оглядел тугую кожу нежно, словно юницу, и та задрожала под пальцами, будто живая. «Гум-така-так-так», – заговорил тимпан низко, тягуче. Ветерок качнул метёлки на верхушках трав. Кам сделал первые шаги под негромкий ритмичный рокот. Ещё шаг и ещё, по кругу, лицом к центру, спиной к степи. Звук туманил разум, звал за собой. Пальцы левой руки – кам был леворуким отроду – трепетали над кожаной мембраной, то сжимаясь, выставив костяшки, то едва касаясь её кончиками. Ритм ускорился, звук нарастал. Кам тряхнул головой, слепо потоптался на месте и снова пошёл кругом, то вертясь волчком, то пританцовывая резко и дёргано. Голова закинулась, острый подбородок выпятился над кадыком, обтянутом увядающей смуглой кожей, глаза закатились. Губы бормотали что-то невнятное, неслышимое за удивительно гармоничным рокотом бубна. Над тёмными травами бесконечного степного простора летела к небу его душа.

«Великий Тенгир, хозяин Земли и Неба, услышь мой зов! – молил кам. – Я, Караман, сын твой, отмеченный тобой, избранный родом и ханом. Духи говорят мне, о чём поёт степь под ветрами, помогают, нагнать тучи и за дождём скрыть дорогу к небесному шатру твоему, я могу прогнать духов болезни из тела человека или скотины. Читаю знаки твои и намерения людей по их лицам. Мой тимпан поёт, провожая меня в путь к Тенгри³, но я умею возвращаться обратно, в отличие от тех счастливых, кого ты навсегда оставляешь возле своего шатра. Но духи не отвечают на самый важный вопрос! Услышь, Тенгир, скажи, как утолить свою жажду? Я Караман. Давно хожу по твоей земле, слушаю и слышу, смотрю и вижу. Мне тесно в истрёпанном шатре, тесно в Великой Степи, разорванной племенами моего народа на куски, будто лепешка в большой семье. Я – Караман-кам, который жаждет большего, но настолько ничтожен, что не видит пути, по которому нужно идти. У племени будет новый хакан, чему мне учить своего хана? Как возвысить свой род? Помогите мне, Тенгир дин!»

---

¹ Кам – шаман, тюркск.

² Ор ат – Гнедой жеребец, тюркск.

³ Тенгри – небо, тюркск.

Не видел он, и не мог видеть мертвенно-голубого всплеска под ногой, когда, сузив в танце круг вытоптанной травы, наступил на что-то небольшое, вроде камушка. Моргнуло холодным светом и потухло семя мертвячье, только хрустнули под каблуком сухие костяшки пальцев истлевшего мертвеца, что его держали. Вошло оно прямо в Караманову стопу, пронзило кожу сапога, как игла прошла бы сквозь воду, да и растворилось.

Утро застало кама совершенно обессиленным. Он лежал в центре круга, что сам и вытоптал ночью, камлая. Воспоминания о путешествии в небесный шатёр Тенгри были яркими, острыми, как никогда прежде. И никогда прежде не получал Караман таких ясных ответов на свои вопросы. «Вот и пришло моё время» – подумал он, чувствуя, как тело наливается бодростью. Этой ночью Караман встретился с незнакомым духом. Таким сильным и властным, что сердце кама сжалось от ужаса, но дух не причинил ему вреда, наоборот, подарил уверенность в своих силах. Решив, что таким был ответ Создателя Земли и Неба, Великого Тенгира, Караман поднялся легко, будто десятки лет скинул с плеч, и отправился в обратный путь. Он и раньше не заблудился бы в степи, но сегодня трава сама укладывалась под ноги тропой. Необычайная мощь переполняла его, растекаясь по телу, пытаясь уложиться, срастись с немолодым шаманом. «Благодарю тебя, Тенгир чилик» – прошептал Караман. Он шёл, счастливый от обрётённого прозрения и не мог видеть, как прямо за его плечами нависло невидимым плащом колеблющееся марево Кромки, бросая на поджарого степняка невесомую тень. Не видел, как почернел и припух на лице и под одеждой давнишний след ожога.

Через пять дней пути степной простор загородили верхушки шатров племени Чобан. Пыль от множества ног – людей, коней и скота – поднималась к небу вместе с дымом множества костров. Встречный ветер нёс на всадников вонь от тысяч голов скота, коней и людей, которые вытоптали и загадили испражнениями этот участок Великой Степи. Над огромным станом висел многоголосый шум.

Солнце стояло высоко и заливало окрестности одуряющим жаром, но ничто не могло помешать грядущему событию. Ата-кам племени, почтенный Бычин, назначил день избрания нового хакана, на смену ослабленному и обезображенному непонятной болезнью Кортану. Все младшие ханы Чобан с приближёнными воинами и кама съезжались на совет племени.

Караман, которому быстрый пятидневный переход дался неожиданно легко, держался по правую руку от Ильбег-хана, главы своего рода, со спины коня бросая острые взгляды на сутолоку вокруг, примечая и запоминая лица друзей и недругов. Не было никакого секрета в том, что племя не было однородным, как и все племена степного народа. И сейчас эта разнородность только сильнее бросалась в глаза, ведь ханам предстояло сделать выбор, который повлияет на жизнь каждого. До совета оставалось всего пара дней. Ильбег-хан, как и несколько ещё более мелких сородичей, свой выбор уже сделали, но каждый держал его при себе.

Спешились возле большого шатра. Оставив уставших коней воинам, Ильбег-хан и Караман вошли внутрь. Как и ожидал кам, им предстояло провести несколько ночей в тесноте, бок о бок с такими же главами самых незначительных родов племени. Даже у Ильбега, привыкшего спать на земле, по лицу прошла тень недовольства. Кам огляделся и, увидев знакомое лицо, проскользнул к дальней стенке шатра.

– Еке! – негромко окликнул он полного коротышку, одетого в ритуальный плащ с таким количеством лент и шнуров для талисманов, что цвет самого плаща невозможно было угадать.

– Караман-кам! – Расплылось в улыбке круглое лицо Еке.

Для Карамана было загадкой, как смог этот прямодушный, лишённый всяческой хитрости кам, оставаться на своём месте столь долго. Разве что его слава лучшего целителя скота не позволяла кому-то более изворотливому сместить соперника. А ведь его род был многочисленным и богатым. Сейчас Караман был рад встрече. Бесхитростный Еке – как раз тот, кто

был ему нужен! Два дня – очень мало для того, чтобы убедить незнакомых кам, да и кто станет слушать Карамана? Еке – совсем другое дело. Его убедить так же просто, как ребёнка, а знали его очень многие.

Еке согласился показать Караману кагал, и они вышли из шатра.

– Твой хан уже знает, за кого отдаст голос? – небрежно поинтересовался Караман.

Конечно, такой вопрос он мог задать далеко не каждому, но Еке печально покачал головой в ответ. От этого движения заколыхались ленты и тесемки на его плаще, все амулеты пришли в движение, звеня и брякая. Три лохматых пса, валявших в пыли вонючую кость со следами протухшего на жаре мяса, дружно подняли головы и уставились на Карамана, будто приказа от него дожидались. Кам, пробуя силы, резко выпрямил собранные в щепоть пальцы так, что, распяленные, они тычком на собак указали. Все три сонно повалились в пыль. Еке-кам, ничего не заметив, печально вздохнул и ответил:

– Нет. Он не уверен. Каждый вечер большой шатёр гудит от споров. Многие хотят посадить на войлок тех, кто близок по родству им самим, другие – совсем против правил – младшего брата Кортан-хана, третьи злятся на то, что все эти ханы – старики, а если чтить закон, то из молодых двоюродных братьев у Кортана только Бору, но он слишком юн, слишком горяч и совсем неопытен. Я не знаю, какой совет ему дать, и мои вопросы Великому Небу остаются без ответов...

Караман прикрыл глаза. «Бору» – это имя пришло к нему во время камлания. С этим именем была связана будущая слава и сила племени, всего народа Великой Степи и самого Карамана.

– Еке! – Караман остановился. – Мне было откровение. Духи снизошли до ответов. Они назвали мне имя...

– Какое? – оживился круглолицый кам.

– Бору. Ильбег-хан отдаст за него голос, и несколько других ханов, – заговорщески прошептал Караман. – Скоро узнаем, верно ли я понял волю Тенгри.

Еке просиял. От широкой улыбки глаза превратились в узкие щёлочки, утонувшие в складках жира на толстых щеках. Без тени зависти он обрадовался пророчеству другого кама. Ну разве можно было найти лучший способ разнести весть о нём по всему кагалу? Караман опустил глаза на пыльные носки своих сапог, опасаясь, как бы Еке не заметил в них блеск торжества. Когда они возвращались к шатру, собаки всё ещё спали. Караман, проходя мимо, сжал кулак и приподнял руку, тыльной стороной к бесцветному от жары небу. Собаки очумело заозирались, вывалив языки – чуть не спеклись на самом солнцепёке.

В назначенный день племенной совет вынес решение. Споры и ссоры завершились избранием нового хакана. В главном шатре собрались самые важные ханы племени, но Караману там было не место. Он мог бы стоять снаружи, среди взбудораженной толпы сородичей, но не стал. Вместо этого одиноко сидел в опустевшей палатке для гостей, с закрытыми глазами, и медленно покачивался из стороны в сторону. Тонкая пластинка серебра – амулет в виде сокола – мелькала между пальцев. Быстро-быстро переходила от указательного к мизинцу и обратно. Невидимое человеческому глазу тёмно-серое полотно Кромки обнимало его за плечи, поднималось к своду шатра и там начинало вращаться всё быстрее и быстрее, заполняя его целиком. В шатре ощутимо похолодало, но кам ничего не чувствовал. Он погрузился в транс и словно наяву увидел молодого кряжистого мужчину, гордо восседающего на войлоке, который, круг за кругом, проносят над головами племенной знати. Его широкоскулое лицо было напряжено, густые брови сведены, губы сжаты в узкую полоску над безбородым квадратным подбородком. Бору-хан, новый хакан племени Чобан, не подозревал, какое участие в его возвышении принял никому не известный кам из бедного рода.

Караман вздрогнул. Новый хакан племени был полон ярости, медленно кипящей внутри него, и могучая сила крови древнего рода медленно растворялась под жгучим ядом этого кипения. Это будет сложнее, чем собак в пыли валять, подумалось Караману, но что мог противопоставить юный хакан его собственной, крепнувшей день ото дня силе?

***

Бору-хан был зол. Неудачный поход на ромеев заметно ослабил его влияние на младших ханов. Учитывая, что младшими они были отнюдь не по возрасту, и половине из них Бору годился в сыновья, это угрожало не только положению, это могло стоить ему, Бору, самой жизни. Воспоминания о судьбе Кортана, возглавлявшего племя до того, как на племенном собрании молодые воины вознесли на войлоке Бору, под рёв визг и улюлюканье толпы, были слишком свежи. А дерзкие обещания молодого хакана пока и не думали сбываться, будто Небо отвернулось от него в тот день, когда Бору, поднявшись на над головами соплеменников, вознамерился к нему приблизиться.

Старый ата-кам напрасно успокаивал. Разглядывал обгоревшие в огне бараньи кости, водил скрюченным пальцем по трещинам и обещал смерть врагам, славу и скорые победы. Не помогло. И щедрая жертва не помогла – овец и быка земля приняла, а греков в неё легло не столько, сколько Бору хотелось. Кого винить? Не себя же? Начать своё правление с похода было и его желанием. Разве не всё он сделал правильно? Разве не резвы его кони, не метки стрелки? И всё-таки верно говорил Кача, сын от второй жены младшего хана рода Чёрной реки, храбрый воин, помощник и друг: «Ата-кам не тебе служит, Бору-хан. И не Тенгри. Он и на Кортана не смотрел давно, и на тебя не станет. Видит себя Камом всех камов, не зря же тойонов со всех родов созывал. Что они делают на сходах своих? О чём камлают? Не верь Бычин-каму, Бору-хан»

«А кому верить?» – раздражённый своими мыслями, Бору вскочил на ноги посреди шатра, резко отпихнув Уту, третью жену, из полонянок, которая массирует ему плечи. В нём кипела ярость, неутоленная жажда славы и побед. Он знал, что способен всего этого добиться, но одного знания оказалось недостаточно, когда вместо быстрого и слаженного отряда умелых воинов, под его началом оказалось всё племя, с женщинами, детьми, скотом, бесконечными родовыми распрями и нуждами.

***

Для многих младших родов наступили печальные времена. Четверть воинов, призванная хаканом в поход к большой воде, не вернулась. Уцелевшие не привезли ни рабов, ни добычи, только раны и глухой ропот недовольства. Караман знал, что виной поражению Бору-хана был ата-кам. Это он нащептал молодому хакану, что победа над греками возвысит его и обогатит племя. Не своего хакана хотел возвысить, но сам жаждал возвыситься. С увеличением торговли между русами и ромеями росли и богатства последних. За каменные стены Сугдеи с моря и суши стекались товары, а пошлины для Константинополя на время оседали в крепости. Попытка урвать такую добычу сходу, полагая, что её плохо охраняют, была необыкновенной глупостью. Караман даже задумываться не хотел, почему старый ата-кам, который за столько лет ничего путного для племени не посоветовал, решил, что сейчас что-то изменилось? Но всё это было Караману на руку. Каждая ошибка Бычин-кама отдаляла того от Бору и давала возможность Караману сделать шаг навстречу своей цели. Он не спешил. Знал, что всё намеченное случится в положенный срок. Видел так же ясно, как волнующийся под ветром ковыль за своим шатром, несущуюся бесконечной рекой орду – огромную, яростную, единую в своём стремлении – несущуюся совсем не туда, куда попытался направить свой ручеек глупый старик.

Кам поправил шапку, сунул большие пальцы рук за пояс и уверенно направился к шатру своего хана.

– Входи, Караман-кам, – пригласил его Ильбег-хан.

Он сменил толстый стёганый халат для войны, на дорогой парчовый, захваченный в последнем набеге, и восседал на горе подушек в окружении новых членов рода, присоединившихся к нему в последние дни.

Караман занял место на ковре, в кругу гостей хана, и, в который раз, дослушал историю похода Бору-хана на Сугдею.

– Наш хакан был смел и бесстрашен. Под копытами его коня дрожала Великая Степь, его стрелы разили беспощадно и метко, но ромейский стратиг спрятался за высокими стенами, как трусливый пёс, и сколь угодно долго мог бы там оставаться, получая провизию с большой воды. Наш хакан не побоялся стрел и копий со стен, степным огнём прошел по тем, кто остался в поселении у крепости. Богатую добычу взяли мы и стали под стенами, но ночью хитрые враги обошли нас с двух сторон и напали. Хакан храбро сражался рядом с нами, но усталые воины не смогли бы выдержать долгой битвы, и Бору-хан велел уходить, чтобы нас спасти, – вещал Ильбег-хан. Свежий шрам на щеке служил подтверждением и его рассказу, и личной доблести воина.

Караман проглотил усмешку. После возвращения из Сугдеи⁴ хан прислушивался к его советам очень внимательно, и слово в слово повторял то, что советовал Караман: «Хакан юн, горяч, силён. Не его вина, что набег не принёс племени удачу, а вина тех, кто научил его идти на крепость такими малыми силами, без должной подготовки. Хакану нужна поддержка, и те, кто ему плечо подставит и коня вовремя подведёт, те и славу с ним разделят, когда придёт время. Я отправил хакану часть своей добычи с набеге на русичей и другим советую. Наше племя должно быть самым сильным в Великой степи».

Отогнав жирную зелёную муху, норовившую залететь в широкий рукав, Караман задумался. Да, Византия богата, но и сильна. Тронь её окраины, и из-за моря придёт ответ. Зачем смотреть за море, если прямо под боком есть Русь – тоже богатая, но пока не столь сильная, а за ней – другие земли, и тоже богатые. Как сон наяву, увидел он двоих всадников, готовых сразиться – русича в золочёном шлеме и сияющей кольчуге, и Бору-хана, гордо восседающего на гнедом жеребце. На шлеме хакана развевался волчий хвост, и сам он был яростен и опасен, как благородный дикий зверь. Князь русичей собирал своё племя воедино, о том Караман знал. Бору-хан должен собрать своё, вот, к чему было это видение. Палец легко сломать, а кулак? Огонь и смерть, богатая добыча и многие сотни пленников, богатые земли для яйлака⁵ и городища для зимовий, сила и слава, перед которой склонится весь мир – вот, что может дать степному народу земля русичей.

Увлечённые рассказом Ильбег-хана, его слушатели не заметили кровавых отблесков в глазах кама, словно он смотрел на языки пламени. Ничего не заметил и Ильбег-хан. И, конечно, никто не увидел невесомых объятий тьмы на плечах Карамана. Тьмы, о которой не знал и он сам.

---

⁴ Сугдея – русск. Сурожь

⁵ Яйлака – летние угодья, тюркск.

На краю

Волшан не был здесь с весны, но за это время хутор Смеяна успел сильно измениться. Тихое поселение отстояло от граничного городища Воинь в полудне пути по воде, и днём больше – посуху. Судя по всему, Смеян наторговал с прибытком – вокруг хутора возводили новый городень. На крышах построек золотилась свежая солома. Над дорогой, ведущей через жидкую рощу, разносился стук топоров. Мелкая речушка без названия, чуть не касаясь брёвен огорода, лениво несла свои воды к недалёкой судоходной Суле. Возле схода сошли на берегу долблётки, на которых купец возил товар из торговой гавани Воиня. Выше по течению, напротив распахнутых ворот, полоскали в речке бельё две молодые девки. Подъехав ближе, Волшан пустил Илька шагом, и девки со смущённым любопытством проводили его взглядами.

В тени въездных ворот дремала тощая собака. На появление Волшана с конём она отреагировала, открыв глаза и лениво твякнув один раз, потом снова уронила голову на лапы и погрузилась в дрему. Из ближайшей к воротам постройки выглянул высокий, худой до изумления небога⁶, с чапельником⁷ наперевес. Подслеповато шурясь на солнце, он разглядел гостя, и закопчённая железка полетела в сторону, едва не огрев по хребтине спящую псину. Та только хвост поджала, но с места не двинулась.

– Волшан! С добром ли? – воскликнул он, дохнув густым перегаром.

– Всё пьянствуешь, Гринь? – устало улыбнулся оборотень, сиюсь удержаться от брезгливой гримасы. – Хозяин дома?

– Дома, а как же! Побегу, скажу, что добрый гость пожаловал!

Он, сильно припадая на левую – сухую и короткую – ногу, заторопился, замешкавшись лишь у пролезшей вдоль стены крапивы. Ругнулся негромко, да почесал грязную лодыжку пониже короткой обтрёпанной штанины. Собака поднялась и лениво потрусилась следом. Волшан проводил её задумчивым взглядом. Не случалось раньше, чтобы псина на него внимания не обратила.

Гринь считался местным дурачком, юродивым, но на деле был поумнее многих – ведь какой с дурака спрос? Всегда подадут, опять же. Люди до убогих жалостливые, а Гриню много не надо. Так что, кроме видимого убожества, он умело разыгрывал немощь умственную, тем и жил. А тому, кто правду о нём знал, Гринь мог неплохую службу сослужить – при дураке языки не прикусывают, разговоры не обрывают. Так что Смеян его и приваживал, и кров давал. Народ здесь, на самом краю Дикого Поля, шатался разный: вольный и подневольный, и беглые тати встречались, и храбрые вои служили, и купцы, и небоги. Вести текли в Воинь из Степи, вести и в Степь просачивались аж из самого Киева, даром, что не близко, и купец, с помощью увечного дурака, пользовал это в свой прибыток.

Дом у Смеяна был крепкий, добротный, с гостевыми хоромами. Брёвна местами потемнели от неудавшихся попыток огня сожрать его внушительные стены. Ставни и наличники явно заменили совсем недавно, из чего Волшан заключил, что степняки снова попытку поджога делали, да неудачно. Слишком уж близко к Дикому Полю обосновался отчаянный купец. «Отсюда мне во все стороны торговать сподручнее, – сказал ему как-то Смеян, – жить у больших рек куда опасней.» Хозяйский двор загибался широкой подковой, обнимавшей надворные постройки и сам дом.

Хозяин подворья сам вышел навстречу Волшану и удивлённо уставился на коня, благо-разумно опасаясь досягаемости его копыт. Невысокий, тонкий, будто отрок, обманчиво хлипкий,

---

⁶ Небога – оборванец, нищий

⁷ Чапельник – подобие ухвата

в синем кафтане, украшенном богатой тесьмой. Хрупкость эта вовсе не была его слабостью – Волшан как-то сравнил старого приятеля с его же отличным мечом, сложенным в простые ножны. Никого такой не пугает, пока битвы нет. Будто только вчера виделись, купец покачал головой.

– Экие у тебя причуды случаются. А я думал, ты лошадей не любишь.

– И тебе здравствовать. Это они меня не любят, – в тон ему отозвался Волшан и улыбнулся.

– Где ты его раздобыл? Печенежский конь-то, – поинтересовался купец, собираясь похлопать Илька по шее, но в ответ тот заложил уши и клацнул зубами в опасной близости от пальцев, украшенных перстнями.

– Ишь ты! – восхитился Смеян, – а тебя не трогает!

Волшан покосился на жеребца и взял поводья покороче.

– Да вот, нашёл. Хочу хозяину возвернуть.

– Дело хорошее, такой конь в степи дорого стоит, – вроде согласился Смеян и продолжил с притворным сомнением, – только степняки платить не любят. Сам знаешь. В Дикое поле, значит, собрался?

– А ты подумал, что я тебя проведать заехал? – улыбнулся Волшан.

Смеян вовсе не был так скуп, как купцов славят, так что и челядь у него была послушная и угодливая. Мальчишка-конюшонок резво метнулся к Ильку забрать коня и едва не остался без руки. Ильк рванул его зубами за холщовый рукав, повалил на землю. Пацан заныл, распустил сопли пузырьём. Подошёл конюший постарше, отвесил ему подзатыльник и Волшану поклонился:

– Дозволь господине коня напоить-накормить-обиходить?

Хозяин подворья с любопытством наблюдал за действием, но не вмешивался. Волшан передал повод конюшему в руки, чутка поддёрнув, так, что глухобрякнуло железо у коня во рту. Сказал ему строго, как человеку:

– Иди, не балуй.

Ильк мотнул головой и храпнул коротко, отчего мальчишка вздрогнул и шустро, как ящерка, на карачках отполз в сторону.

Смеян был одним из немногих людей, которым Волшан доверял. Ответную улыбку купца выдавали только глаза, она пряталась в густых усах и ржавой бороде, остриженной на манер короткой лопаты. Они наконец обнялись коротко и неловко, как давние друзья, не чаявшие свидеться и смущённые радостью от встречи.

– Ты про коня-то всё же расскажи, где ж такого раздобыл? – Покачал головой купец.

– Голодная птица петь не станет, – ухмыльнулся Волшан. – Я тебе про коня, а ты мне – новости окрестные. Ходят слухи, что в Степи что-то затевается.

– Ты скоро и сам купцом станешь, ишь, как торгуешься, – засмеялся Смеян. – Идём в дом, там стол собирают для хорошего гостя!

– Так что там у печенегов? – спросил Волшан, поставив осушенную кружку среди мисок и блюд с остатками снеди.

Смеян обтёр усы, кивком отослал столовую девку – пышнотелую и румяную, как из бани – и вперился в Волшана долгий взгляд.

– Может быть, сначала ты скажешь, зачем тебе ехать в Степь? Этот бешеный вороной – не причина, верно?

– Не причина, но с ним в Степи сподручнее, – согласился Волшан.

Доверять-то купцу он доверял, но у каждого есть грань, за которой разумение заканчивается. Ни за что не поверил бы купец в живое явление Огнебога. Это даже хуже, чем зверем на его глазах обернуться. А Смеян, не дождавшись ответа, продолжил:

– Тут сам князь Киевский отдал приказ Воинь укреплять. Да как бы не запоздал. Сам знаешь, мы тут, на краю, во все стороны смотрим. Бояре считают, что степняки раздорами заняты, от того и набегов больших нет.

– А разве они ошибаются?

– Нет. Только не знают, к чему те раздоры у печенегов. Малые роды объединяются, сотни растут до тысяч. И такое уже было, вот только эти тысячи все к одному роду-племени стекаются, что на юге стоит. Под одну руку встают.

Волшан повёл плечами – под новой рубахой, что Смеян одолжил, ощутимо припекло клеймо. О том, что купец Киеву служит глазами и ушами он знал давно, ещё со времён первой встречи.

– Значит услышал тебя князь Мстислав?

– Услышал. Родь тоже отстраивают. Новый хакан у степняков на юге, безрассудный, молодой, горячий. От такого только и жди беды. Ему ромеи в Суроже недавно урок преподали, теперь к ним не пойдёт. Одна ему дорога – Русь.

Волшан задумался. Он шёл в Степь за семенем погибельным. Не оно ли в молодом хане пробилось?

– Странное говоришь, Смеян. Раздоры у степняков всегда дробили орду, а ты решил, что она соединяется...

– Не решил, друже. Своими глазами видел. Даже Ильбек – так себе хан, из мелких, что ближе всех вдоль Сулы кочует – был нищ. Только и сил, что малые селища жечь да полоном торговать. А нынче гордится, что его хакан огромную орду набрал. Таких же голых и злых, полагаю. И не один Ильбек такой в Степи. Другие, на него глядя, тоже в ту стаю сбиваются, вроде волков стали. Потрепали их знатно, а только не во вред пошло. Сам знаешь, мне из Степи и птички, и ветер вести приносят, и вести эти не радуют. К молодому хакану и правда другие племена прислоняются, орда-то крепнет.

Смеян потянулся к кувшину, плеснул сбитня в кружку – простую, без орнаментов, хотя на столе и кубок червлёного серебра имелся, – и одним махом осушил её до дна.

«Волков», – поджал губы Волшан. Для него степняки больше на одичавших псов походили, те тоже в стаи сбиваются. Но опасения Смеяна только подстегнули его решимость.

– Ильбек-хан, говоришь, ближний? Не его ли люди коня потеряли?

Смеян покачал головой.

– Жизнью не дорожишь, друже. Брось ты это. Непокойно в нынче в Диком Поле.

– Там и раньше тихо не было, однако же мы с тобой пока живы, – отмахнулся Волшан. – Ты лучше подходящей одежей выручи, а то в такой рубахе печенеги из меня серебро вытрясать будут, пока кишки наружу не полезут. Решат, что купец приبلудился.

– Выручу, куда деваться? – усмехнулся купец. – Когда в путь?

– А далеко ли до стана того хакана?

– Дней восемь – десять, если о-дву-конь ехать. С одним дольше будет. Да только у печенегов разведчики окрест шастают. Как в Воини топоры застучали, так они и всполошились. Нынче по степи тишком не проедешь. Дам тебе имя одно, только уж ты побереги его хозяина. Он, хоть и степняк, но мой степняк. Нужный. Если напорешься на печенегов, скажи, что ищешь Сачу из рода Жеребца, он тебя и спроводит.

Волшан проснулся резко. Сбоку, под рёбрами, прижатый телом к полатам, мелко тряся княжий амулет – его длинная тесьма норвила во сне обернуться вокруг тела. Он ожил впервые после битвы под Киевом, но удивляться было некогда – чуткое ухо уловило очень далёкий, почти призрачный гул, лишний среди обычных для любого поселения ночных звуков. Волшан хорошо знал, что он может означать. Подорвавшись с постели, он натянул только штаны и комом сгрёб остальную одежду, на ходу запихивая в торбу.

Смеян спал. Не один. Жидкий свет заходящей луны ласково касался лица юной девы, прильнувшей к его груди. Церемониться Волшан не стал. Гаркнул на всю опочивальню:

– Смеян, беда!

Купец не сплосшал. Будто и не похрапывал только что – спихнул девку с постели, велел зажечь свечу, и потянулся за рубахой.

– Быстрее, они скоро будут здесь! – бросил Волшан.

– Ах ты... – не спрашивая, кто такие «они», купец сунулся под кровать – резную, сработанную на византийский манер, и вытащил ножны, из которых выпирала рукоять меча.

– Лушка, беги, буди всех. За реку бегите. Скорее! – прикрикнул на испуганную девку.

Та тихонько охнула и прыснула за дверь, только концы растрёпанной косы мелькнули.

Невнятный гул усилился. Волшан кожей ощущал дрожь земли, по которой молотят копыта лошадей. Хутор – не крепость, осады не выстоит.

Они скатились вниз по лестнице, перемахивая через ступени.

– Сколько людей у тебя меч в руках держать умеют? – на бегу спросил Волшан.

– Четверо, – просипел Смеян и выскочил на крыльцо.

В темноте широкого двора бестолково метались полусонные люди, за его пределами, у ворот мелькнул свет факела.

– Всех уводи, не отобьёмся! – крикнул купцу Волшан, сначала услышав тонкое пение, а потом и увидев огненный след первой стрелы, которая перелетела городень и воткнулась в землю посреди двора, чудом никого не зацепив. Следом за первой, песню смерти и огня завели другие. Они горящими птицами расчертили ночь, и хутор осветился сразу в нескольких местах – это вспыхнула новенькая солома на крышах подворья.

Полуодетый Смеян, с мечом на поясе, срывая голос, чуть не пинками погнал свою челядь к реке, а Волшан рванул к распахнутым воротам конюшни, крыша которой с дальнего конца уже полыхнула весёлыми языками пламени. Из распахнутых ворот, едва не сбив его с ног, выскочил серый битюг, за ним, сшибаясь задами в проходе, вылетели еще два коня.

– Ильк! – заорал Волшан, и в этот миг, показалось, вся близкая степь завизжала, заголосила, завыла, врываясь на хутор.

Конь выскочил из тёмного провала конюшни вместе с клубом удушливого дыма и вкопался копытами, резко встав перед Волшаном. В чёрных глазах играли кровавые отсветы пламени, бока раздувались кузнечными мехами.

– Беги, – прохрипел Волшан и с размаху двинул его по крупу.

Тот взвился свечой, но Волшан уже оборачивался, рухнув на колени. Тяжёлый толчок сердца в груди, и он с рёвом выгнул покрытую вздыбившимся мехом спину. Конюх, последним выскочивший из ворот полыхающей конюшни, сполз по стене, с разинутым в немом крике ртом и вытаращенными от ужаса глазами.

Прыгнув в красные сумерки, Волшан сбил с ног влетевшую во двор лошадь печенег, когда та шарахнулась от зверя. Кувыркнувшись назад, она подмяла под себя всадника, а Волшан не задерживаясь, подскочил под копыта следующей. На ходу цапнул её за переднюю ногу и дёрнул головой, подсекая. Всадник, не осознавая опасности, ловко соскочил с падающего коня, но и только – обезглавленное тело тут же мешком осело на землю.

Волшан, щёлкая окровавленной пастью, выскакивал из темноты на освещённые заревом пожара участки, молниеносно и безжалостно вырезая степняков. В поднявшейся суматохе они не сразу сообразили, кто им противостоит, а сообразив, попытались удрать, на ходу осыпая огромного зверя градом стрел, но он был слишком быстр, а обезумевшие лошади отказывались повиноваться. Вой и горловые крики наскока сменили вопли ужаса и боли, которые перекрывались храпом и ржанием испуганных лошадей. Волшан молнией носился по хутору, с одной мыслью – не дать степнякам выскочить к реке.

Когда в окнах Смеянова дома замелькал свет факелов, он повернул обратно ко двору. Два коня без всадников с визгом полетели прочь от зверя, едва не столкнувшись друг с другом, а он ворвался в дом. В людской набивали торбы добром двое степняков. Первому он оторвал голову, наскочив со спины. Счастливцев даже не успел понять, что уже мёртв. Второй вытаращил глаза и схватился за своё оружие. Волшан зарычал так, что на столе что-то жалобно зазвенело. Степняк попятился к стене, неуверенно выставив перед собой саблю. Рука дрожала, передавая эту дрожь клинку. По нему пробежал хищный отсвет пламени от горящего факела. Побелевшее лицо степняка перекосило судорогой страха, из горла вырывался хрип, а взгляд судорожно метался по сторонам, в поисках спасения. Его не было.

Волшан прыгнул, целиком захватил в пасть руку с оружием выше локтя, и дёрнул, мотнув головой. На зубах хрупнули кости. Печенег – приземистый, но широкий и плотно сбитый – оторвался от пола, и, описав дугу, с воплем шмякнулся под окна. Уже без руки. Из плеча фонтаном ударила кровь. Волшан отбросил размочаленную руку и бросился к заверещавшему врагу, жадно сглотнув горячее и сладкое.

Один из факелов потух сам, на второй пришлось выпустить длинную струю мочи, чтобы не разгорелся. Он поднял голову и прислушался. Снаружи трещали кострища подпалённых строений, да где-то далеко выла собака. И всё. Кончилось.

Он рухнул на скользкие от крови доски пола и обратился. Долго стоял на карачках, икая и содрогаясь от кровавой рвоты. Зверь не успел переварить всё, что Волшан позволил ему сожрать. Потом, охнув, вытащил стрелу из бедра, нашёл рубаху и портки – простежкие, явно принадлежавшие кому-то из работников Смеяна, и выхлебал столько воды, что рвота вернулась вновь.

Едва полегчало, Волшан поплёлся к реке, припадая на правую ногу и обходя разодранные тела степняков да лошадиные туши. На полпути за спиной дробно затопотало, и он обернулся, еле дыша от мучительного зуда и рези в животе. Ильк – взмыленный, с дико вытаращенными глазами – нёсся прямо на него. Волшан отшатнулся, но напрасно. Конь не добежал, наскочил на кого-то возле стены длинного бревенчатого сарая и принялся с яростным храпом топтать его ногами. В последний раз ударив копытом неподвижную кучу, только что бывшую человеком, жеребец фыркнул и попятился.

Глаза слезились от дыма. Оборотень моргнул, пригляделся. Гнутый лук отлетел в сторону, но стрела так и осталась зажатой в руке мертвеца. Скорее всего, его оглушило после падения с лошади, и, если бы не Ильк, Волшан получил бы стрелу в спину.

– Ах, ты ж, друже ты мой, – прохрипел он, подходя к коню.

Тот мелко дрожал от возбуждения, но опустил голову и дружелюбно фыркнул, обдав Волшана порцией брызг.

Сквозь рваные дымы проглянул невнятный кружок восходящего солнца. Еще вчера мирное поселение утопало в крови, и Кромка никогда не была так близка, если не вспоминать страшную битву у Лысой горы. Она будто шла рядом с Волшаном, как тень, собирая свою жатву. Протяни руку, и окажешься на другой стороне мира. От этой близости леденела кровь, и его пробил озноб.

– Пошли, Ильк, посмотрим, кто уцелел, – устало пробормотал Волшан.

Смеян появился одним из первых. Прыгнул в долблёнку на другом берегу речки и всю переправу стоял, покачиваясь, над гребцом, неотрывно глядя на сходни.

Пока он и те, кто поместился в другие лодки, перебирались на свою сторону, из роши потянулись остальные обитатели хутора, кто успел спастись.

– Жив! – кинулся купец с объятями, едва перебрался на влажные от утреннего тумана доски сходень.

– Я-то жив, – уклончиво отозвался Волшан.

Пока шёл к реке, он увидел тела нескольких местных, попавших под стрелы и сабли степняков, была среди них и та, что этой ночью почивала на Смеяновой груди. Смеян отстранился, оглядел Вошана и охнул. Штанина насквозь пропиталась кровью, и, хоть в остальном одежда была чистой, но руки, лицо, волосы и босые Волшановы ноги покрывала страшная бурая корка. На пригорке у схода топтался Ильк с обрывком верёвки на шее. Копыта его передних ног блестели от свежей крови.

– Что? – начал было Смеян, но Волшан перебил:

– Мне бы помыться? Пошли, сам увидишь.

Прямо за воротами они натолкнулись на горстку хуторян, испуганно и растерянно застывших на месте. Замер и Смеян. В утреннем свете зрелище показалось страшным даже Волшану – повсюду валялись трупы и части тел. Одно свисало головой вниз с крыши избы, что стояла у самого въезда. Пара изб сгорела дотла, на хозяйском дворе дымила, догорая, конюшня. Когда её крыша с треском обвалилась, ломая стены, вздрогнули все. Вздрогнули и ожили. Зашевелились, охая и причитая.

Смеян направился к дому. Подавив тяжёлый вздох, Волшан поплёлся следом, ведя коня за тот самый обрывок верёвки. Наступающий день грозил положить конец многолетней дружбе, и виноват в том был сам Волшан.

У крыльца хозяина встречал конюший. Тот самый. Увидев Волшана, он побледнел, мелко и не слишком умело перекрестился, и вдруг поклонился ему до земли. Смеян изумлённо переводил взгляд с мужика на Волшана и обратно.

– В чём дело, Хват?

– Батюшка, отец наш и радетьель, это же он, – конюший опасливо кивнул в сторону Волшана, – всех злодеев перебил! Я видел, я такое видел...

Мужик вдруг затрясся и замолк.

– Что ты мелешь, дурень? – Смеян нахмурился и повернулся к Волшану.

Взгляд его задержался на слипшихся от крови волосах, на лице, на руках...

– Привиделось тебе, – подал голос Волшан. – Сами они впотьмах друг друга перебили, понял?

Его слова падали тяжело, как камни, и припечатывали глухой угрозой, от которой мужик ссутулился и поник головой.

– Сами, барин. Привиделось, господине, – пробормотал он и попятился от крыльца.

– Спятил от страха, – пожал плечами Смеян и шагнул на ступени, но с крыльца обернулся и задумчиво посмотрел на разорённый хутор.

Волшан рвался смыть с себя грязь, и остался один в просторной мыльне. Он лил и лил на себя холодную воду. Зачерпывал ковшом из большой бадьи и ничего не чувствовал. Рана на бедре затянулась свежим рубцом, ещё день и следа от стрелы не останется. По его груди, по ногам стекали рыжие ручьи и уходили в щели деревянного настила. Вместе с ними утекало и напряжение этого страшного утра, а перед глазами стоял конюший, Хват. Легче лёгкого было в сумятице оторвать голову и ему, больше-то видаков не осталось, но Волшан пощадил. Не по-людски было убивать того, кто из огня Илька вывел... Вот теперь эта жалость ему боком и выйдет.

Посвежевшего и обряженного в свежую рубаху, его проводили к Смеяну. Тот сидел за столом в узкой комнатке-выгородке без окон. Она протянулась вдоль задней стены дома. Сюда Волшана раньше не приглашали.

– Ну, вот и ты, – подался ему навстречу купец.

Волшан глянул исподлобья – Смеян хмурил лоб, лицо кривилось, как от зубной боли. Значит, Хват ему всё уже выложил...

– За стол-топустишь? – спросил так же хмуро.

– Ты всё ещё гость, коли помнишь, – натянуто пригласил купец. – Гость, да незнакомец. Я тебя знаю столько лет, сколько пальцев на руках, верно?

– Похоже на то.

– Кто ты есть, Волшан? Я считал тебя другом, хоть и догадывался, что ты тихой смертью серебро зарабатываешь...

– Уже нет, – отрезал Волшан. – Смеян, я поем?

Несмотря ни на что, желудок просил пищи, а стол купца отнюдь не был пуст.

– Хват сказал...

– Не верь всему, что испуганному человеку привиделось, Смеян.

– Там, – купец махнул рукой в сторону двери – сорок печенегов порваны в куски, да незнамо сколько убежать смогли.

– Один. Один ушёл. Нужно было отпустить, чтобы к тебе больше не совались. Они сказкам верят не меньше, чем вот Хват твой. Или ты.

– Я не знаю, Волшан. Не знаю, что и сказать. Ты спас мой дом, людей, добро спас, но кто ты есть?

– Это так важно? – внезапно рассердился Волшан. Он устал, был голоден и раздосадован.

– Я – княжий посланник. Вот, – он брякнул амулетом по столу, – печать княжья. Заговорённая она, так что лучше не трожь. Мало этого? Тогда отвернись, да не бойся потом!

Последние слова вышли больше рыком звериным, но Смеян только лицом побелел и медленно отвернул лицо. Прежде чем скинуть рубаху и развязать тесёмки на штанах, Волшан увидел, как его друг медленно опустил на лавку правую руку.

Обернувшись зверем, Волшан навис прямо над столом, задом упираясь в стену – в этом закутке было слишком тесно – и жарко дохнул Смеяну в затылок. Купец вздрогнул и резко повернулся. От него разлило страхом, но в глазах кроме страха притаился и интерес. Если бы Волшан мог, он бы усмехнулся, но пугать Смеяна сверх меры, скаля зубы, ему не хотелось. Миг, снова тягучий удар в груди, и он поднялся с пола обнажённый и беззащитный. Подле Смеяна, на лавке, лежал освобождённый от ножен меч. Лежал там с тех пор, как Волшан вошёл в комнату. И обращаться с ним купец умел весьма ловко.

– И давно ты... это? – выдавил Смеян, когда Волшан натянул штаны.

– Всегда.

– Ну, значит привиделось Хвату. Наслушаются небылиц, вот и верят, чему попало. Я его пока в погребу запер. Там вино ромейское... завтра он и сам не вспомнит, что правда, а что – хмельной сон.

Волшан с невероятным облегчением выдохнул и плюхнулся на лавку сглотнув слюну. Есть хотелось зверски. Ещё немного, и он сполз бы по стене прямо на пол.

– Смеян, забудь и ты, что видел. Так всем будет проще.

– Забудешь тут, – проворчал купец. – Мне с тобой до самой смерти теперь не расплатиться за то, что ты сделал.

– Не надо о смерти, – поморщился Волшан. – Покормишь, да что раньше обещал – дашь, вот и не будет долгов между нами.

– Это и так обговорено. Сам знаешь, я слово держу. Садись, ешь-пей, после такого я уж и не знаю, как ты на ногах держишься.

Через день Волшан отправился в путь. Он ехал верхом, сума у седла была туго набита одеждой в какой ходят степняки, к амулету на шее добавился маленький золочёный лепесток – знак для полукровки Сачу, которого ему нужно было отыскать среди печенегов. Волшан оглянулся на скрывшийся за перелеском хутор. Смеян решил и обнял его, прощаясь. Впереди топорщился редкий кустарник, а за холмом начиналось Дикое Поле. Великая Степь. Внезапно

загривок ошпарило резкой болью. Волшан вздрогнул и кивнул. Недоброму огненному богу. Себе. Пятерым мёртвым жителям хутора и всем, кто оставался жить, не подозревая о грядущих бедах.

Великая Степь

Караман ликовал. Подаренная Тенгиром сила росла в нём стремительно и неукротимо. Мимолётный интерес к тому, откуда вдруг появляются в нём новые знания и умение делать то, о чём он раньше и помыслить не мог, быстро прошёл. Не дело кама допытываться у бога, какие пути он выбирает для своей воли. Тенгир избрал Карамана – это всё, что ему нужно было знать.

А между тем росла слава самого Караман-кама. Ему приписывали великие умения и дар пророчества. Поговаривали, что само Небо благоволит к каму из рода Гнедого жеребца. Опровергать слухи было бы неразумно, напротив, Караман старательно подкидывал пищу для них, камлая над ранеными и больными, которые неожиданно быстро вставали на ноги, выжигая кости, чтобы просветить сомневающимся и ищущих. «Кам арвас арвади, – делился радостью с соседями очередной родич, – кам сотворил заклинание, и дух болезни сразу покинул моего старшего сына!». Это было легко. Злые духи словно повиновались Караману и покорно отступали, оставляя после себя преданность исцелённых, а также их щедрые дары.

– Караман-кам, наш добрый хан приглашает тебя в свой шатёр, – не поднимая глаз, пробубнил Керик, личный страж Ильбег-хана. Он застыл под откиннутым пологом у входа, не смея войти внутрь без приглашения.

Караман поднялся с плотной овечьей шкуры, брошенной на ковёр и служившей ему сиденьем. Сердце предчувствием толкнулось в груди, упреждая догадку – хан зовёт его не ради камлания или совета. Наступил долгожданный день!

Изрезанное морщинами, выдубленное степными ветрами и обожжённое солнцем лицо Ильбега застыло маской.

– Входи, кам. Выпей кумыс, подумай, и скажи – зачем наш хакан Бору прислал ко мне искинчи⁸ с призывом явиться в кагал?

Караман принял медную чашу из рук своего хана, с наслаждением её осушил, пряча довольную улыбку, и ответил:

– Не тревожься, Ильбег-хан, Тенгри обнимает весь мир. Что видит Тенгир, вижу и я. До хакана долетела твоя слава, он получил твои дары. Наш Бору молод, но не глуп. Ему нужны верные союзники и ты – один из вернейших. Вели собрать ещё даров, отдай даже то, что отдавать не хочется, и ты получишь много больше! Пусть нас не сопровождают те, кто был в походе на Сугдею, но другие воины, закалённые в битвах. Ни к чему напоминать хакану о поражении. Не надевай лучшей одежды, – продолжил кам, покосившись на расшитый шёлк Ильбегова халата, – а самый хороший клинок принеси хакану в дар, вместе со своей верностью и всеми воинами, жёнами, шатрами и скотом нашего рода. Сделай так, и ты увидишь, как высоко может подняться Ор ат.

Ильбег-хан нахмурился, пожевал кончик пегого уса и криво улыбнулся. Шрам на щеке омертвил мышцы, и теперь любое проявление его настроений можно было истолковать двояко.

– Отчего, скажи мне, Караман, отчего я годами не замечал, что ты билиглиг⁹-кам? Если я поступлю по твоему совету, не оставит ли хакан себе моих воинов, жён, шатры и скот?

– Я всего лишь слушаю голос Тенгри, мой хан, – с поклоном ответил кам, – Тенгир говорит, что хакану нужна только верность твоего рода, а как ещё ты можешь её доказать?

– Хорошо, кам. Собирайся в дорогу.

Караман был уверен, что эта беседа с Ильбегом – последняя. Из кагала он возвращаться не собирался.

---

⁸ Искинчи – гонец, тюркск.

⁹ Билиглиг – мудрый, тюркск.

***

Лесок вокруг хутора, обожжённого набегом, давно скрылся из глаз. Перелески сменились кустарниками, а потом и те исчезли. Теперь степь развернулась перед ними во всей своей необъятности. Солнце падало за её недостижимый край, проливая в темнеющее небо кровавые слёзы. Красная зарница обещала завтрашний жар. Волшан отдохнул сам и дал отдохнуть коню, но пора было продолжить путь. Ночь – лучшее время разминуться с дозорными отрядами печенегов. Он разделся, подставляя обнажённую грудь прохладному ветру. Ильк перестал жевать и всхрапнул, прижав уши.

– Думал, что я всю дорогу буду трястись в жёстком седле? – ухмыльнувшись, спросил Волшан. Разговаривать с Ильком незаметно вошло в привычку. Какая-никакая, а компания.

В ответ жеребец фыркнул и снова потянулся за травой. После резни на хуторе он совсем перестал бояться, казалось, что Ильку даже нравится, когда Волшан принимает облик зверя. Может сообразил, что тогда Волшан не будет трястись на его спине? Умный конь. Упаковав одежду и проверив, хорошо ли держится у седла торба, Волшан отступил на пару шагов и обратился. Потянулся длинным волчьим телом, далеко отставляя передние лапы и вспарывая дёрн когтями. Поднял башку, поймал носом отчётливую волну запахов – дыма, скота, железа, крови, конского пота и немых человеческих тел – и потрусил за ним вслед. Под подушками на лапах дрогнула земля, когда следом двинулся Ильк. Как две тёмных лады, огромный волк и вороной жеребец бок о бок разрезали грудью высокие травы, скользя в безбрежном ковыльном море.

***

Караман проснулся резко, вздёрнулся с нагретых телом овечьих шкур, завертел головой, вглядываясь в ночную темноту шатра. Войлочные стены не пропускали свет, и только по тканевому летнему пологу у входа металась причудливые тени – это ветер трепал пламя факела снаружи шатра. Причин для тревоги не было – утром они выступали в кагал по приказу хакана, как и мечтал Караман, но тревога ворочалась в груди холодной змеёй, обвивая сердце. Он поднялся и вышел в ночь. Бархатный полог неба украшал свет далёких факелов, освещавших жилище Создателя. Их россыпь мерцала и подрагивала, и было легко представить, что небесный ветер так же играет с божественными огнями, как и простой земной – с пламенем факела у входа в шатёр.

Где-то далеко за пределами стана завыл степной волк, и в ответ коротко заржала лошадь, затаившая собаки. Караман вздрогнул. Привычные звуки вызвали неприятный озноб, волной прокатившийся по спине. Почудилось, что кто-то смотрит на него из темноты за пределами светового пятна. Кам насутился и сделал несколько шагов туда, откуда, как ему показалось, за ним наблюдают. За границей неясного света и ночной темноты клубилось нечто, чего Караман никогда прежде не видел, но почувствовал – никакой угрозы оно ему не несёт, скорее наоборот. Незнакомый доселе дух, что явился без призыва, прятался за зыбкой тьмой, которая была черней самой ночи и напомнила ему невообразимо огромный полог гигантского шатра. Она начинала светлеть, и за едва ощутимой преградой медленно проявилась мутная фигура. «Лошадь?» – изумился Караман, но – нет. Сравнимый с лошадей только размером да тем, что стоял на четырёх ногах, зверь скорее напоминал собаку. Или волка. Или медведя, ведь у волков не бывает такой широкой груди и огромных лап. И тлеющих золотым огнём глаз. И искрящейся шкуры... Вот теперь Караман её почувствовал – угрозу. Холодную, как ледяной ветер зимы. Обжигающую, как раскалённые угли. «Враг. Найти. Убить». Мысль пришла к нему ниоткуда, похожая на приказ, чужая, но даже удара сердца не понадобилось, чтобы он принял её, как послание неведомого духа из тех, что служат Тенгиру. Чем ещё это могло быть? Ведь он, Караман, избран самим богом.

***

Волшан старался придерживаться направления, которое указал ему Смеян, но эта часть степи была ему незнакома, раньше он ходил на восток или, как в последний раз – значительно севернее. По всему выходило, что род Ор ат должен селиться где-то здесь. Об этом говорили и повсеместная вонь, и изрядно выбитая копытами трава, и широкие проплешины пастбищ, но ни скота, ни самих степняков пока не было видно. Возможно, они откочевали дальше в степь, решил Волшан. Он закрыл глаза и медленно вдохнул горячий ветер, поворачивая голову.

– Мы с тобой слишком забрали в сторону, – огладил он шею Илька. Конь развернул одно ухо, слушая человеческий голос.

Ещё до заката однообразие окружающего мира нарушило небольшое, голов в пятьдесят, стадо овец. Его пасли двое тощих мальчишек и хромой длиннолапый пёс, который с хриплым лаем выскочил было под копыта Илька, но, учуяв зверя, сначала ощерился, а потом исчез из вида с поджатым хвостом. Глупые овцы не обратили на Волшана никакого внимания.

Мальчишки насупились и держались поодаль, наблюдая за всадником. Волшан чуть сдвинул бока жеребца и направил его к пастухам прямо через стадо.

Один из них остался на месте, второй рванул прочь что есть мочи. Видимо, за подмогой.

– Я ищу Сачу из рода Ор ат, – подъехав вплотную к мальчишке, сказал Волшан. – Знаешь такого?

Тот кивнул, нервно переминаясь и едва удерживаясь, чтобы не оглянуться вслед сбежавшему другу. Морда Илька нависала прямо над мальчишкой. Жеребец всхрапнул и вконец его перепугал.

– Сачу там, – пискнул пастушок и махнул рукой в том направлении, куда сбежал второй мальчишка, – с конями.

Это могло значить всё, что угодно. То, что Сачу – такой же пастух. То, что он – один из разведчиков рода. И ещё с десятков предположений. Волшан поднял Илька в лёгкий галоп и очень скоро разглядел мальчишку-беглеца. Поймав его за шкирку, как щенка, прямо из седла, Волшан предоставил беглецу орать и болтать ногами в воздухе, пока Ильк неспешно рысил вперёд. Наконец мальчишка замолчал, и Волшан остановил коня.

– Знаешь Сачу? – грозно спросил он, потряхнув беглеца.

Тот засипел и что-то промычал.

Волшан подтянул его повыше и заглянул в чумазое лицо.

– Садись впереди, дорогу покажешь.

Мальчишка сделал попытку кивнуть. Волшан отпустил поводья и затащил его на коня. Ильк громко захрапел и пару раз недовольно поддал задом.

– Успокойся! – осадил его Волшан и сжал коню бока, сопровождая посыл печенежским: «хеч-хеч!¹⁰»

Скоро впереди показались первые лошади табуна. Ильк напрягся, надулся, как петух, выгнул шею и задрал хвост. Рысь превратилась в высокую пляску, отчего мальчишку и Волшана подкидывало и бросало обратно.

– Не надо близко, – наконец раскрыл рот мальчишка. – Там кобылы с жеребятками.

– Понял, слезай. Приведёшь Сачу, получишь вот это, – Волшан отцепил от своего пояса одну из медных птичек-амулетов и показал мальчишке.

На его лице забавным образом отразились недоверие и радость одновременно, но радость победила, и он, не сводя глаз с обещанного подарка, лихо соскочил в мягкую траву. Здесь, между двумя пологими холмами, не рос ковыль, и степь переливалась зелёным бархатом, украшенным яркими точками цветов полевых цветов.

---

¹⁰ Хеч-хеч! – Но, пошёл!

Ильк продолжал волноваться в опасной близости от табуна, и Волшану пришлось немного отъехать назад. Он не решился спешиться, и просто отпустил поводья, предоставив коню брякать удилами во рту, когда тот решил пожевать травы.

Прошло довольно много времени, прежде чем Волшан услышал топот копыт. Услышал и Ильк – он поднял голову и развернул уши в сторону звука. Вскоре показался и сам всадник – молодой степняк на приземистой лошадке. Пока тот не подъехал ближе, Волшан успел благодарно огладить шею своего коня – с тех пор, как оборотень стал наездником, лошади больше не обращали на его звериную природу никакого внимания, чего не скажешь о собаках и другой живности. Но среди кочевников, в степи, это было неоценимым даром.

– Сачу? – крикнул Волшан.

На таком расстоянии он прекрасно чувствовал, что всадник не вооружён и пахнет только дымом, кумысом и лошаадьми.

– Я – Сачу. А ты кто? – прокричал в ответ пастух, явно опасаясь подъехать ближе.

– Я привёз тебе кое-что от Тэмира¹¹.

Смеян говорил, что кое-кто из степняков знает его под этим именем, как и Сачу.

– Покажи! – Всё ещё не решаясь приблизиться, крикнул парень.

Волшан вздохнул, но снял с шеи шнурок с лепестком и поднял над головой. Тот заблестел в лучах закатного солнца, будто и впрямь был золотым. Или – был?

Низенькая лошадь степняка, бодро перебирая ногами-столбиками, рысью припустила к Волшану.

– Друг Тэмира – желанный гость для Сачу, – заявил тот, подъехав чуть не вплотную.

Ильк покосился на его лошадку и фыркнул. Волшану показалось, что презрительно.

– Темир хочет, чтобы я тебя в кагал Чобан проводил? – удивился Сачу, когда оборотень рассказал о цели своего появления. – Это далеко, знаешь?

Он щурился и качал головой, совсем не радуясь просьбе Смеяна.

– Я заплачу. Серебром заплачу, когда приедем, – попытался изменить настроение парня Волшан.

– Ты не из моего народа, пёстрая голова. Кто ты? Рус? – внезапно спросил Сачу.

– Нет, не рус, – отрёкся Волшан, скрепя сердце, – я – как ты.

От Смеяна он знал, что Сачу родился среди печенегов от угнанной в полон девушки из русичей. И, хотя внешне паренёк пошёл в отцовскую породу, кровь своё дело сделала – он исправно служил Смеяну в торговых и иных делах, когда у того была потреба.

– А какого ты рода? – не спешил униматься Сачу.

– Пусть тебя это не беспокоит, лучше скажи, сколько времени нужно, чтобы добраться до кагала?

Сачу задумался, морща лоб и нос, и принялся считать, шевеля полными губами. При этом он выставил оба кулака перед собой и по очереди разогнул семь грязных пальцев.

– Столько дней, – показал он Волшану. – Может, ещё один, если никого плохого не встретим.

Восемь дней пути Волшана не смутили, он даже подумал, что парнишка ошибся на день-другой.

– Хорошо. Возвращайся, пока тебя не хватились, соберись в путь. На рассвете буду ждать тебя здесь. О «плохих» расскажешь по дороге.

Сачу появился вовремя. Волшан уже успел натянуть одежду и перепоясаться. Решив до рассвета накормить зверя, чтобы быть готовым к неожиданностям, он поохотился. Ильк поко-

---

¹¹ Темир – железо, тюркск.

сился на рыжего конька, когда тот пристроился рядом, но и только. Солнце вставало слева, а значит они двигались на юг, далеко огибая становище племени Ор Ат.

Первый день пути не принёс никаких неожиданностей. Давая передышку коням, Волшан и Сачу останавливались, чтобы пожевать сухого козьего сыра, который взял в дорогу степняк, а потом просто двигались дальше по однообразной волнистой равнине.

К вечеру Сачу вывел их к небольшой ложине, на дне которой прятался ручей.

– Здесь будем спать, – заявил он, спешиваясь.

Волшан не стал спорить, ведь парень лучше знал эту степь. К тому же коней нужно было напоить. Прислушавшись, он не учуял вокруг никакой опасности и снял седло со спины Илька. Стреноживать, как это сделал Сачу со своим конём, он его не стал. Знал, что Ильк никуда не денется.

В тёплых сумерках над травой летел треск насекомых, в сырой ложине заквакала неведомо как оказавшаяся там лягушка, всхрапывали кони, шлёпали хвостами по крупам, отгоняя мошек.

– Ты не сказал, что за «плохих» людей мы можем встретить, Сачу? – спросил Волшан.

Он подложил седло под голову и устраивался поудобнее.

– Разных, – сонно отозвался Сачу, – люди из чужого племени, не Чобан и не Чор. Могут забрать коней. Могут убить.

– А сейчас мы на чьей земле?

– Завтра будет земля Чор, но они стали как мы, Чобан. Вместе. Хакан Бору собирает народ, он – Великий хакан, – пробормотал Сачу и засопел.

Волшан уставился в густо-синий бархат ночного неба. «Хакан Бору» – повторил он мысленно. Тот молодой хан, о котором говорил Смеян. Отметина деда Славко налилась несильным жаром. Сачу только что подтвердил правоту опасений купца. Из того, что видел Волшан за последнее время, выходило, что опасения эти не напрасны. Перед глазами встал разоренный хутор. Земли русские были совсем не готовы к объединению орды. За мыслями он не заметил, как провалился в короткий и чуткий сон.

Разбудило его острое чувство опасности. Волшан открыл глаза и сел. Вокруг стояла умиротворяющая тишина, даже птицы ещё молчали. Он посмотрел на Сачу – тот спал, запрокинув голову и тихо посапывая, но что-то было не так. Волшан пригляделся и похолодел – свернувшись в несколько колец, на груди его провожатого лежал аспид. Тёмный узор чётко выделялся на более светлом теле. «Только не шевелись!» – мысленно взмолился Волшан, обращаясь к незадачливому парню, и медленно потянулся к спящей змее, пытаясь углядеть в клубке колец плоскую голову. Яд такой большой змеи непременно лишит жизни, и Волшану совсем не хотелось рисковать. Гадина пригрелась и дремала, но могла быть быстрее молнии, если её испугать. От разглядывания в сумерках резких заломов узора у него зарябило в глазах, но голову увидеть удалось. Волшан ухватил и сжал её, сдёргивая с груди Сачу. Змея, длиной чуть не в его рост, очнулась и принялась извиваться, стараясь зацепиться хвостом за руку. Холодное тело оказалось сильным и билось за свою жизнь с яростью. С зубов раскрытого рта капал яд. Прямо за спиной Волшана захрапел Ильк, гулко топоча копытами. Оборотень развернулся. Конь раздувал ноздри и лупил передней ногой в землю.

– Давай, – прохрипел Волшан.

Страхнув уцепившийся за запястье хвост гадины, он бросил её оземь. Ильк взвился в воздух и тяжело припечатал плоскую голову копытом. Тело судорожно дёрнулось, свернулось и развернулось, и, наконец, распласталось по земле длинной безжизненной лентой.

– Спасибо, – Волшан огладил горячую шею коня. Ильк сердито фыркнул в ответ.

– Ты спас мне жизнь, Шан. Теперь ты стал мне, как брат, – тихо прозвучало за спиной.

– Хорошо, что ты остался жив, – пожал плечами Волшан, – что бы я делал без тебя в землях Чор?

Жизнь давно научила его, что надеяться на преданность степняков не стоит. Несмотря на жестокость, в чём-то они были совсем как дети. Легко давали клятвы и так же легко их забывали.

Проехать половину степи и не встретить печенегов было немыслимо. Через день они наткнулись на большое стадо овец, которое охраняли несколько верховых. По счастью Сачу быстро нашёл с ними общий язык. Недолго думая, он галопом помчался навстречу ближайшему всаднику и о чём-то с ним потолковал.

– Это Чор из рода Зимней травы. Мы торгуем и спорим из-за пастбищ. – коротко отчитался парнишка, когда вернулся. – Всё хорошо, можно ехать спокойно. За двойным холмом, в дне пути, видели отряд чужаков, но здесь их нет.

За землями Чор снова начались земли Чобан, но, как утверждал Сачу, теперь это были дружеские земли.

– Ай, Шан, хочешь, скажу что-то? – он пристроился рядом с Волшаном, и его рыжий конёк то припускал торопливой рысью, то отставал, пытаясь двигаться рядом с Ильком.

– Ну? – покосился на парня Волшан.

– Никакой ты не печенег. Конь у тебя – ах, какой конь! А ездить не умеешь. Кто в степи не умеет ездить на лошади, скажи? Никто.

Волшан нахмурился. Ему-то казалось, что он успел притерпеться к жёсткому седлу и давно перестал испытывать неудобства, сидя верхом на Ильке. То, что на взгляд степняка он был плохим наездником, не радовало.

– И что? – буркнул он в ответ.

– Ничего. Думаю, просто. Зачем, думаю, Шану такой конь, если он и ехать нормально не может? Зачем, думаю, Сачу столько серебра? Куда он его спрячет? Не нужно серебра, отдай мне коня своего, и даже забери моего, Шан. Хорошая мена!

Волшан расхохотался, заставив Ильку вздрогнуть от неожиданности.

– А я гадал, чем ты Смеяну приглянулся! – сквозь смех выдавил он. – А ты – купец! «Хорошая мена»!

Волшан снова рассмеялся. Сачу же обиженно надулся, совсем по-детски.

– В Степи нет «купец», – так же, мешая русский и родной языки, ответил он. – В Степи умеют делать хорошие мены. Я – умею. Давай договоримся, Шан?

– Да ты шутишь? – посерьёзnel Волшан. – Ильк тебе голову откусит, не успеешь прокаться.

– Я не буду скакать на таком замечательном жеребце, Шан. Я отведу его в табун к кобылицам, и через год у меня будет много таких, как Ильк!

– Точно купец! – искренне восхитился Волшан. – Нет, не выйдет. Ильк с тобой не пойдёт, Сачу. Не обижайся. Он – мой друг.

– Конечно, – быстро согласился Сачу. – Бал, – он потрепал своего рыжего конька по гриве, – тоже мой друг. Но он – лошадь. Не человек. Менять, дарить, даже съесть коня не стыдно.

– Нет договора, Сачу. Оставь это. Илька я не отдам, – отрезал Волшан.

Дальше ехали молча.

– Завтра днём увидим кагал, – заявил Сачу, когда они устраивались на ночёвку.

У Волшана ныла спина от целой седмицы, проведённой в седле, и он был в мрачном настроении. Хотелось выпрямиться, растянувшись на жёсткой земле и ни о чём не думать.

Не дождавись его ответа, Сачу продолжил:

– Будут сторожевые отряды. Говоришь ты хорошо, но похоже на то, как говорят на севере, поэтому лучше молчи, если не спросят. А спросят, скажи, что ты из Кухей. Я слышал, что они отправили искинчи к нашему хакану, хотят мира.

– Хорошо, – проворчал Волшан. – Я понял. Кухей.

– Они к шапкам волчьих хвосты пришивают, но хвост же может потеряться? – зевнув, предположил Сачу и свернулся калачиком, готовясь уснуть.

У него это получалось легко – только что говорил и вот уже громко засопел.

Волшан подождал немного и со вздохом поднялся на ноги. Когда он придет в кагал, зверь должен быть сыт. Да и волчий хвост раздобыть не мешает, раз уж он теперь «кухей».

Утром Сача изумлённо вытаращился на обрубок рыжеватого волчьего хвоста, который Волшан привязал к заострённой верхушке своего тягиляя кожаным шнурком так аккуратно, что даже дырка, которую пришлось проделать для этого в шапке, была незаметна.

– Шан, сейчас ты похож на настоящего печенег, – восхитился Сачу, цокнув языком. – И ехать верхом получается уже намного лучше.

Ободрённый похвалой, Волшан свистнул Ильку, и тот примчался на зов, сбивая метелки с поредевшей здесь, на юге, травы.

***

Ильбег хан отправился в главный шатёр кагала, а Караман, даже не стряхнув пыль с сапог, заявился к ата-каму. Высокий и тощий стражник преградил ему путь у входа.

– Кто ты? Ата-кам отдыхает и никого не ждёт.

Караман вздохнул. Кам, который не принимает родичей – что может быть удивительней?

– Сообщи Бычин каму, что пришёл Караман кам из рода ОрАт.

Стражник не посмел возразить и нырнул за полог входа.

– Входи, кам, – пригласил он, вернувшись.

Караман и сам был не молод, но Бычин-кам оказался действительно старым. Редкие побелевшие космы слиплись от пота. На макушке их почти не осталось, и она просвечивала бледной кожей. Слезающиеся глаза прятались в складках обвисших век. Он грузно восседал среди подушек и валиков, набитых конским волосом. Несмотря на жару, в очаге пылал огонь.

– Что понадобилось каму из далёкого рода? – сварливо поинтересовался старик, предлагая сесть.

– Я пришёл, чтобы сказать, – мягко ответил Караман, – что почтенный Бычин должен уйти.

– Уйти? Куда? – не сразу понял ата-кам.

Он сощурился, силясь разглядеть неожиданного гостя сквозь мелькающие языки пламени.

– Племени давно нужен новый ата-кам, почтенный Бычин. Ты слишком устал, и это плохо. Я, Караман-кам, пришёл, чтобы занять твоё место.

– Что? Кто ты такой, Караман? Пыль, под подошвами моих сапог! – Взвился старик.

Его голова затряслась, от гнева задрожали губы. От гнева и страха. Но Караман не почувствовал жалости. Его цель была больше, чем неудачливый старик, стоящий на пути.

– Я – тот, кто нужен хакану Бору. Тот, кто нужен всему племени Чобан и народу Великой Степи, – уверенно ответил Караман.

Он так и остался стоять у входа, не желая нарушать традиций.

– Мне жаль, что ты не способен этого понять, Бычин-кам. Ты наделал достаточно ошибок, и, если завтра созвать совет, то выберут меня, ты же знаешь это? У тебя было время уступить. Оно и сейчас ещё есть.

– Как ты смеешь? Чок!¹² Я – ата-кам племени! Я служил трем хаканам, – зашипел Бычин. Из беззубого рта полетели брызги слюны.

– И племя ценило это, – уважительно кивнул Караман, но даже не подумал согнуться, – теперь мой черёд. Прими это. Или прими позор.

– Прочь! Я прямо сейчас пойду к хакану. Он снесёт тебе голову... – Бычин завозился среди подушек, пытаясь подняться.

– Ни один хакан не станет убивать кама, и ты это знаешь. Хочешь убить меня? Сделай это сам!

Караман со вздохом склонил голову и покинул негостеприимный шатёр ата-кама, думая о том, что на его месте выбрал бы первое, и, однажды, несомненно совершит именно такой выбор. А пока ему предстояло сразиться с Бычином один на один, используя те силы, которыми наделил их Создатель Земли и Неба. Не сомневаясь в своей победе, Караман отправил верного роду искинчи к Еке, с просьбой организовать совет всех кам племени.

Восемь ночей, пока гонцы созывали остальных кам, Караман провёл в ожидании смерти. Нет, он не боялся. Отправиться в Тенгри и остаться там навсегда рано или поздно предстоит каждому, но к чему торопиться, если сделано так мало? Ему поднесли отраву – он выпил смертельный напиток, улыбаясь. Пусть ата-кам стар, но такого бессилия Караман не ожидал. Результатом стала всего лишь чёрная рвота, которую слизал тощий пёс за шатром, да издох тут же. К нему подослали убийцу в ночи, с тонким, как змеиное жало ромейским клинком – из мрака шатра Караман наслал на него духа падучей, и долго смотрел, как тот корчится, захлёбываясь пеной изо рта, прямо у входа. У старика-кама вовсе не осталось силы, если он решился на подобные поступки. Отогнав духа прочь коротким заклинанием, что теперь почти не стоило ему усилий, Караман склонился над едва способным дышать убийцей и прошептал:

– Ты встанешь, вернёшься к тому, кто послал тебя, и передашь слово в слово: ала¹³ избавиться от меня, пока я жив, ведь у тебя нет силы, чтобы прогнать меня, когда умерев, я вернусь к тебе духом мести!

Больше Карамана никто не побеспокоил. Бычин легко мог навсегда отправиться в Тенгри в любую из предыдущих ночей – каждый кам знал нужные снадобья – но даже такой долгой жизни ему оказалось мало. Старый ата-кам не был глупцом, просто его время закончилось, а он не пожелал с этим согласиться. Теперь же Бычину предстояло вкусить позор смещения, и Караман не знал, что могло быть хуже. Завтра Еке, добрый и недалёкий, повернёт голоса остальных кам в его пользу – верный роду искинчи уже вернулся и доложил, что послание передано в точности.

Конечно, хакан Бору знал, что камы сместили Бычина и избрали нового ата-кам, и это ему не слишком понравилось, но сколько бы власти не имел над племенем хакан, дела духов и их проводников его не касались. Когда ему сообщили, что совет завершился и камы разъезжаются по своим станам, Бору велел пригласить нового ата-кама в свой шатёр.

– Так ты и есть тот кам, который призван советом служить и защищать племя? – Хакан Бору оглядел Карамана с головы до носков запылённых сапог.

К его удивлению, гость оказался не слишком стар, поджар телом и невысок. К своему хакану явился в скромной одежде, в какую носят в пути, а не в той, что обычно отличает кам – увешанной таинственными амулетами, перьями и сухими костями животных и птиц.

Караман почтительно склонился.

– Подойди, сядь. Расскажи, кто тебя надоумил решиться на такое?

---

¹² Чок! – На колени!

¹³ Ала – Не спеши

– Великий хакан, мои учителя – мудрые духи и Тенгир дин. Только его советы имеют для меня цену.

– И что же поведал тебе Тенгир дин? – равнодушно спросил Бору. Было заметно, что ответ Карамана его не впечатлил.

– Все мы во власти Тенгри хотим того или нет. Все отправимся туда в конце пути. Но здесь, на земле, бежим друг друга, льём кровь родичей так же легко, как кровь врагов, словно дикие собаки, не знающие хозяина. И враги радуются нашим распрям, видя, как легко мы сами помогаем им в победах, – начал Караман, наблюдая за тем, как хакан всё больше хмурится с каждым словом. – Мы – как разжатые пальцы руки, нас рубят и ломают по одному и однажды искалечат навсегда. Тенгир горюет. Он разочарован слабостью своего народа. Где, спрашивает он меня, тот хакан, что соберёт мою руку в грозный кулак, бьющий врага, подчиняющий чужие народы и земли великой славе степного народа? Если бы я мог, ответил бы Создателю Земли и Неба, что знаю такого хакана. Он молод и полон сил. Он жаждет славы и уже познал горечь поражения, познал, чтобы никогда не допустить его в будущих сражениях. Ему вверяются многие роды, а вверятся и многие племена. За тысячами придут тысячи тысяч. Минглиг воинов, готовых ради него на всё. Вся Великая Степь дрогнет и двинется на врага. И не будет ей преград на земле... Враг захлебнётся в крови, его жёны станут сбивать нам кумыс, его дети – пасти наш скот, его пастбища заполнят наши овцы и кони, его реки станут нести воды только для нас. Те народы, чьи земли не подойдут нам, будут платить золотом и железом только затем, чтобы оставить их нетронутыми... Так ответил бы я Создателю. Но этот хакан слушал не меня, а другого кама. Возможно, Тенгир задаёт ему другие вопросы, подумал я. Или ата-кам их неправильно понимает? Вот и приехал, чтобы спросить самого Бычин.

– Странные речи слышат мои уши, Караман-кам, – недобро прищурился молодой хакан. – Ты рассуждаешь, как воин.

– А разве кам – не воин, мой хакан? – Караман поднял голову, выдержав тяжелый, испытующий взгляд Бору. – Я встречаю врага так же часто, как ты. Моё оружие – не острая сабля, и сражаюсь я не с людьми, а со злыми духами, но я такой же воин, как же иначе? Не будучи воином врага не одолеть. Потому и речи мои такие.

Бору хмыкнул. Недоверие и растущий гнев во взгляде сменились любопытством. Караман позволил себе мягкую улыбку. Он знал, что уже победил, но торопиться не следовало.

– И в чём же, по-твоему, ошибался ата-кам Бычин? – подался вперёд Бору.

Вопрос был с подковыркой, но Караман был к нему готов.

– Нет ошибки без условий, хакан Бору. Уважаемый Бычин давал верные советы для кама малого племени, желающего всего-навсего сохранить людей и не дать им умереть от голода на клочке земли. Но для племени, способного стать чем-то большим, объединить под рукой сильного хакана весь народ Великой Степи, советы ата-кама были ошибочными. Всё зависит от взгляда на вещи – я верю, что ты избран для великой цели, ата-кам же всего лишь мечтал о спокойствии. В спокойствии тоже есть свои радости. Если ты готов ими довольствоваться, тогда ошибаюсь я. Если нет – ошибался почтенный Бычин. Но я вижу твою душу в одном твоём взгляде, Великий Хакан, и так же вижу, что не ошибся.

Узкие, длинные, по-женски красивые глаза молодого хакана блестели. Караман много раз видел такой блеск. Его вызывала жажда обладания. Хакан Бору увидел картину будущего, нарисованного Караманом, и она никогда его не отпустит. Тенгир, Хозяин Земли и Неба, не мог ошибаться – так же, как избрал он Карамана, избрал и Бору. Хакан жаждал славы, а Караман явился, чтобы помочь в этом.

Неудачная охота

Проклятых печенегов оказалось слишком много! Главный стан племени был больше похож на целый город шатров и кибиток. Город, готовый в любой момент сняться с места и смертоносным валом покатиться туда, куда укажет его предводитель. Да, пока Волшан добирался до кагала Бору, узнал, что к тому примкнули два других племени, но подобного увидеть никак не ожидал. Сачу был удивлён не меньше и, чувствовалось, искренне.

– Ну вот, Сачу, ты свою часть уговора выполнил. Незачем идти со мной дальше, – Волшан спешил в тени большого шатра на окраине кагала и, придерживая Илька, вложил в грязную ладонь степняка обещанную плату.

В светлых глазах полукровки мелькнули одновременно разочарование и облегчение. Что и говорить, в этом путешествии парнишка сильно рисковал.

– Ты знаешь, где меня найти, Шан, и всегда будешь желанным гостем в моём скромном шатре, – сказал он, с тоской оглянувшись на Ильку, поправил замурзанный тягиляй и споро потянул своего рыжего прочь от Волшана, мигом исчезнув в громкоголосой сутолоке печенежского стана.

Волшан тоже натянул шапку поглубже, на самые брови.

– Ну что, Ильк, приехали мы. Теперь бы в этой толчее разобраться, – прошептал коню во влажную шею.

Конь негромко всхрапнул. С головы до ног покрытый рыжей пылью, потемневшей на отпотевших боках и шее, он совсем не выглядел каким-то особенным. Не выглядел странно и сам Волшан – негустая чёрная борода укрывала нижнюю половину лица, остальное пряталось под тягиляем. Одежда тоже никак не выделяла его среди степняков, да к тому же они и сами тут были меж собой перемешаны. А уж носить чужую личину Волшан давно привык и чувствовал себя вполне уверенно.

Хаос, в котором на первый взгляд жил кагал, на деле был весьма упорядочен. И подобраться к шатру хакана Волшану не удалось, разве что обернуться зверем прямо в сердце печенежского племени и глупо подохнуть от сотни копий и стрел. Хакана охраняли днём и ночью, что говорило о его осторожности и наличии ума. Как-никак, вновь примкнувшие к племени сородичи были такими же воинственными, как и его собственные люди. И воев вокруг было слишком много. До ночи прослонявшись по огромному кагалу, с наступлением сумерек он подсел к одному из костров у гостевого шатра. Здесь говорили на разных наречиях, и он был таким же чужаком, как и собравшиеся у огня.

Степняки прославляли Бору-хана. Обсуждали грядущее. Делились былыми успехами и новостями из своих земель. Волшан делал вид, что дремлет, опустив голову.

– По первому свету хакан Бору собирается на охоту, – неожиданно сказал кто-то. – Наш хан едет с ним, и мой старший брат тоже!

– Хакан Бору молод и полон сил! Охота – хорошее дело! А наш хан давно не охотится, бережёт силы для походов, – с завистливым вздохом заметил другой степняк.

Волшан едва удержался от довольной улыбки. Удача снова была на его стороне.

Охота – занятие увлекательное, особенно, если добычей не являешься ты сам. Матёрый бык никакого удовольствия от охоты не получал. Ему не повезло оказаться между двух огней – загонщиков с одной стороны и притаившегося Волшана, которого он чуял и инстинктивно опасался даже больше людей – с другой. Он пытался выбраться из западни, бросаясь то в одну, то в другую сторону, но тут же с гневным рёвом поворачивал обратно, незаметно для себя двигаясь к намеченной загонщиками цели – маленькому отряду хакана Бору. Зная горячий

нрав своего предводителя, никто из его сопровождающих вперёд не рвался, и, когда хакан услышал наконец рёв бегущего на него быка и пустил своего коня в резвый галоп, остальные коней придержали, уступая хакану радость победы над зверем.

Вот только появления Волшана никто не предусмотрел. Громадный зверь выскочил словно из ниоткуда, и гнедой под хаканом взвился на дыбы. Губы всадника упрямо сжались, на напряжённом лице резко обозначились квадратные скулы. Конь ещё размахивал передними ногами в воздухе, а хакан, развернувшись в седле, уже натянул тетиву. И отпустил. Был бы Волшан обычным волком, тут бы его жизнь и закончилась.

Отдав должное бесстрашию печенежского предводителя, Волшан вильнул в траве, пропуская стрелу в половине ладони от левого бока, развернулся и прыгнул снова. Хакан рванул поводья, раздирая рот обезумевшего от страха коня железом, и умудрился повернуть, готовясь к новому выстрелу. Зверь сшибся с конём в прыжке, лишь вскользь деранув всадника когтями. Оба – конь и всадник – рухнули на землю, а Волшан перелетел через них и оказался нос к носу с подбежавшим туда же быком, впавшим в предсмертную ярость. Тот опустил громадные рога и, трубя, пошёл на Волшана, будто таран в крепостные ворота. Волшан отскочил, и бык сходу подцепил лошадиный бок, застрял в рёбрах рогами, поволок лошадь по земле, протоптавшись по хакану, который, истекая кровью, пытался отползти в сторону. От близкого топота копыт задрожала земля. Запели тонкие стелы, разрезая воздух над степью, злым шмелём прогудело рядом с Волшаном копьё, отправленное в полёт кем-то из степняков.

Не зная, чем завершилась его собственная охота, оборотень огромными прыжками унёсся в степь.

По тому, какой гул и суматоха стояли в кагале, вернувшийся Волшан понял, что даром его утренняя вылазка в степь не прошла. Однако узнать что-то определённое оказалось не так-то просто. По огромному стану летели самые невероятные слухи. Взбодораженные печенеги будто озверели – тут и там ругались и сцеплялись друг с другом... Волшан двинулся к центру кагала, туда, где находилось жилище самого хакана. Возбуждённого царящей вокруг суматохой Илька, непрерывно прядущего ушами и скидывающего голову, он вёл в поводу.

Пространство перед белым шатром хакана заполняла разноликая толпа взволнованно галдящих степняков. Волшан уловил несколько разных наречий, но они не слишком отличались, а смысл был один: хакана на охоте ранил какой-то зверь. Степняки переспрашивали друг друга – «Хакан умирает? Он жив? Что теперь будет?» Близко к шатру было не подобраться – его окружал частокол ощерившихся копий и натянутых луков в руках мрачных и молчаливых печенежских воев. Волшан протолкнулся вперёд, насколько было возможно, прижимаясь к плечу Илька, который действовал, как таран, храпя и щелкая зубами на недовольные окрики. Впрочем, другие пробовали пробиться поближе даже верхом... Паника расходилась по толпе волнами во все стороны, и возвращалась обратно в виде невероятно искажённых слухов.

Волшан не видел, когда полог главного шатра откинулся, просто весь шум вдруг затих. Не сразу, такой же волной, какой ползли вопросы и слухи. Стража хакана расступилась, и к степнякам вышел тщедушный человечек в нелепом балахоне, расшитом невероятным количеством ремешков и лент. Одна сторона его лица была расписана странным угловатым узором, который сбегал по тощей шее под ворот балахона, другая зачернена углём. Человечек поднял руки и все вокруг словно перестали дышать. Волшан вытянул шею, выглядывая из-за плеча крупного печенега, который загораживал ему обзор. Решил, что местный колдун – кто ещё мог выглядеть так нелепо? – наслаждается мимолётной властью над толпой, потому что его молчание затянулось чуть дольше, чем понадобилось для привлечения внимания.

– Народ Великой Степи! – наконец скрипуче прокаркал он. – Наш хакан, непобедимый Бору, жив! Нет в мире никого, кто может сравниться с его стойкостью и силой. До утра ему нужен отдых и покой, расходитесь и оставьте свои тревоги.

– Караман-кам! – благоговейно прошептал кто-то за спиной Волшана, и это имя полетело из уст в уста.

«Проклятый колдун!» – подумал оборотень, не понаслышке зная, что степные камы – прекрасные знахари. Словно услышав его мысли, низкорослый шаман, обвешанный брякающими амулетами, неожиданно вытянулся, резко задрал подбородок и вгляделся в толпу, потом крутанулся на месте что-то бормоча, оттолкнул кряжистого степняка своим посохом и впился тяжёлым взглядом прямо в лицо Волшану.

Плеснул холодом амулет, разгорелось жжение отметины, вскинулся внутренний зверь, но все эти знаки беды опоздали – быстрее ящерицы скользнул шаман к Волшану, вскидывая посох и скрипуче ворча. Степняки отхлынули в стороны, как воды под носом ладьи, и стеной сошлись у Волшана за спиной. Голос шамана взлетел визгливым напевом, и у оборотня перехватило дух. Амулет вдруг вспыхнул открытым пламенем, затлели рубаха и стёганая безрукавка, но огонь снаружи оказался сущей искрой по сравнению с тем, что вкрутился в грудь. Ноги подогнулись, и ошеломлённый Волшан рухнул на колени, пытаясь обернуться, но зверь словно не услышал.

Рядом свечой взвился Ильк и грозно заржал, размахивая копытами. На него разом навалились сразу с десяток степняков, подсекли, повалили. . . Конь бился и кричал, но Волшан, преодолевая страшную боль, смог только поднять голову и встретиться глазами с шаманом. Увидел в них знакомый мрак Нави – чёрный и неподвижный, нечеловеческий, смертельный. Шаман, заражённый семенем Зла, продолжая неразборчиво визжать, резко откинул посох назад и с размаху вогнал его Волшану в сердце. Окованный заострённым наконечником, посох пробил грудь. Дыхание оборвалось, голову пронзил визг зверя, тело взорвалась новой болью. . . Волшан захрипел и повалился на бок, судорожно дёргая ногами и цепляясь за посох скрюченными пальцами.

«Как же ты мог ошибиться? Как недодумал, волчья башка? За так погубил и коня, и себя» – проползли тягучие мысли в затухающем сознании. Щека Волшана тонула в нагретой пыли. Перед неподвижным взором стекленел карий Ильков глаз, и блестела от крови шкура на могучей шее. . . Дикая боль, свалившая его на колени, когда вспыхнул амулет, уходила. Кромка колыхалась совсем рядом, остужая кровь, замораживая мысли. Голова стала лёгкой, а тела будто и вовсе не осталось – Волшан его больше не чувствовал. Стихал шум. Ноги степняков, мелькавшие вокруг, их визгливые крики, скрипучий голос расписного колдуна – все исчезало, таяло. Вдруг захотелось глубоко вдохнуть, но и этого не вышло, а может и вышло, но не почуялось. Навь напозла на лицо ледяным покрывалом и жадно обняла, закутывая смертной тьмой.

Волшан судорожно дёрнулся, и, даже не успев удивиться, вскочил на ноги, будто и не умер только что. Древко тяжёлого посоха, торчавшее из бесчувственной груди, качнуло его к земле – жирной и чёрной, как мокрое пепелище. Он схватился за скользкую древесину и потянул. Кованный наконечник скрипнул по рёбрам и нехотя вышел наружу – тускло-бурый, влажный. Разжав онемевшие руки, Волшан уставился на дыру в груди, не веря собственным глазам. Он стоял на ногах, не дышал (где уж с таким дымоходом дышать-то?), ничего не чувствовал, но, определённо, был всё ещё жив! Во тьме Нави клубилась ясно различимая ярость, а Кромка живым полотнищем трепетала в шаге от него. За ней, за слабой мутью преграды, видна была освещённая закатным солнцем Явь. Там, под неслышные проклятья соплеменников, усатый степняк привязал чьё-то тело за ноги к седлу длинной верёвкой и запрыгнул на мохнатого конька. Пришпоренный, тот рванул с места, и тело – до Волшана не вдруг дошло, чьё! – подпрыгивая на кочках и поднимая пыль, поволоклось следом, прочь из стана. . .

Ярость захлестнула Волшана горячей волной. Огнём вспыхнула выя, кипятком плеснуло в груди. «Ох!» – вырвалось само собой, и он зажмурился от вернувшейся боли. А она накрыла с небывалой силой. Колотила и тянула. «Ы-ы-ы» – сдавленно взвыл зверь, размыкая его губы, и ломанулся на свободу. От мощного рывка натянутой верёвки лопнула подпруга, и

всадник кубарем слетел на землю вместе с седлом. Освобождённый, лохматый конёк взбрыкнул и помчался прочь от чудовища, которое медленно поднималось на ноги в клубах пыли.

Сорвав петлю с перетянутых лап и убедившись, что степняк расплатился за обиду сломанной шеей, Волшан длинными неровными прыжками ушёл подальше от дымов и вони печеневского стана. Туда, где скот ещё не сожрал всю траву, и где можно было залечь, чтобы дать измученному телу залечить раны. Думать о том, что произошло, было страшно. Он умер. Ушёл в Навь. Вернулся обратно. И случилось это не во сне, а очень даже наяву. Волшан просто бежал по степи, булькая затягивающейся дырой в груди, вывалив волчий язык, и всё, чего желал – добратся до ближайшего оврага...

Южная ночь упала резко, словно свечу задули. Свернувшись в калач на дне неглубокого оврага, в который он свалился окончательно обессилив, Волшан трясся от боли и зуда. Сейчас он невольно радовался телесным мукам, которые не позволяли трезво мыслить. И только в одном был уверен – нужно вернуться и закончить начатое. Это было важно настолько, что даже смерти не позволили помешать ему. Даже Навь – ждущая, зовущая – не смогла удержать его в себе.

Сесть относительно прямо он смог только перед рассветом. Рука привычно поискала шнурок амулета и не нашла. Затерялся ли он в степи, когда печенег волок его мёртвое тело, исчез ли совсем, запоздало и болезненно указав на страшную ошибку? Какое это имело значение? Теперь Волшан знал, кто был его настоящей целью.

Найти труп давешнего обидчика оказалось несложно. Он остыл за ночь, зато и обмяк. Волшан сноровисто и быстро раздел мертвеца. Одежка бесславно расставшегося с жизнью степняка мало чем отличалась от той, остатки которой разлетелись на лоскуты, когда тело оборотня волокли по степи на верёвке. Даже размятые сапоги оказались почти впору. Опоясавшись и заткнув за пояс устрашающего вида кинжал, Волшан поискал в траве далеко отлетевшую шапку. Она нашлась в двадцати шагах, вонючая, но достаточно глубокая, чтобы скрыть большую часть его лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.